

КАК БОМЕЙН ТИИ...
 АН АРТУРА И ИСТИН...
 ТУРА ТРИ ВЕЛЛИНИИ...

Страница

ПОВЕСТЬ
 О СЭРЕ
 ГАРЕТЕ ОРКНЕЙСКОМ
 ПО ПРОЗВАНИЮ
 БОМЕЙН

— Сэр, вы же не можете не видеть, что оба, и мой и ваш, пред-
 казаны убого у короля.

VI

КАК БОМЕЙН ПРИБЫЛ КО ДВОРУ КОРОЛЯ АРТУРА И ИСПРОСИЛ У КОРОЛЯ АРТУРА ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Chapter I.

ВО ДНИ АРТУРОВЫ, когда заполнены были все места за его Круглым Столом, случилось однажды королю распорядиться, чтобы великий праздник Пятидесятницы справили в городе и замке, носившем в то время название Кинке-Кинадон¹ что на песках у Валлийской границы. У короля был неизменный обычай на праздник Пятидесятницы из всех праздников в году не садиться за обед, прежде чем не увидит он какого-нибудь чуда или не услышит о нем рассказов. И того обычая ради всевозможные чудесные дела и вести привозили к Артуру, и всего чаще на праздник Пятидесятницы. Вот в день Пятидесятницы незадолго до полудня заметил в окно сэр Гавейн троих людей верхами, и за ними — карлик пеший. Спешились эти трое, карлик держит их коней, и видит Гавейн, что из троих один на полтора фута превосходит двух других ростом. Тогда пошел он к королю и сказал:

— Сэр, идите садитесь за обед, ибо чудесное приключение уже у ворот,

Уселся король за богатый обед вместе со многими другими королями. И были там все рыцари Круглого Стола, кроме тех, кто находился в плену или пал. И в тот день великого праздника предстояло им пополнить свое число снова до ста пятидесяти, дабы не было за Круглым Столом пустых мест. Тут вдруг входят в залу двое в нарядных и богатых одеждах, и на их плечи опирается юноша, какого прекрасней лицом и стройнее телом никому из них не случалось встретить. Был он высок и крепок, в плечах широк, лицом хорош и руки имел большие и красивые, что красивее и не увидишь на земле. Но он повис у них на плечах, словно не мог ходить и держаться на ногах без такой опоры. Как увидел его король, тут же смолкли все и расступились, пропуская их, и туда, на царское возвышение, они все трое прошли, не промолвив ни единого слова.

И сразу отступил на шаг тот юноша рослый, выпрямился легко и сказал: — О благороднейший из королей король Артур! Бог да благословит вас и всю вашу славную дружину, а рыцарей Круглого Стола стократ! Я приехал к вам молить вас о милости, просить вас выполнить три моих желания. Я не испрошу ничего такого, что не могли бы вы пожаловать мне с честью, и не будет вам с того ни ущерба, ни урона. Первую милость, первый дар испрошу я сейчас, другие же два — ровно через год, где бы вы ни справляли тогда великий праздник Пятидесятницы.

— Спрашивайте, — отвечал король Артур, — и что испросите, получите.

— Сэр, вот вам мое желание по случаю великого праздника: чтобы вы кормили меня и поили вдоволь весь год, а тогда испрошу я у вас два других дара.

— Сын мой, — сказал король Артур, — мой совет тебе, проси большего, ведь эта просьба — не просьба, ибо сердце мое расположено к тебе и мне говорит, что ты приходишь из славного рода, и либо я сильно обманываюсь в моем суждении, либо же ты еще выкажешь себя мужем благородным и доблестным.

— Сэр, — тот отвечал, — это уж как придется, а я просил у вас то, что мне покамест надобно.

— Ну, что ж, — говорит король, — в еде и питье у тебя не будет недостатка, я не отказываю в этом ни другу, ни врагу. Но я хочу знать твое имя.

— Сэр, того сказать я не могу.

— Чудесное дело, — сказал король, — чтобы ты не знал собственного имени. А ведь ты прекраснейший из юношей, каких я когда-либо видел. И король поручил его сэру Кэю-Сенешалю, повелев, чтобы его кормили и поили лучшими яствами и винами и чтобы все у него было в избытке, как если был бы он сын лорда.

— Вот уж была нужда так на него тратиться, — сказал себе сэр Кэй. — Ведь могу поручиться, он мужичьего рода и не получится из него рыцаря, ибо будь он рожден лордом, он бы попросил коня и доспехи, он же каков есть, такова и просьба его. А раз нет у него имени, я сам ему дам имя: будет он зваться Бомейн, что значит «Прекрасные Руки»². И определю его я на кухню, и там будет он кормиться каждый день жирной похлебкой, так что к исходу двенадцатого месяца окажется он жирен, как боров в свиарнике.

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ И СЭР ГАВЕЙН РАССЕРДИЛИСЬ ЗА ТО, ЧТО СЭР КЭЙ НАСМЕХАЛСЯ НАД БОМЕЙНОМ, И О ДЕВИЦЕ, КОТОРАЯ ИСКАЛА РЫЦАРЯ, ЧТОБЫ СРАЗИЛСЯ ЗА ДАМУ. А те двое тут же и уехали и оставили юношу на попечении сэра Кэя, который всячески над ним издевался и насмехался. Разгневался на сэра Кэя за то сэр Гавейн. А всех больше — сэр Ланселот, он велел сэру Кэю оставить издевки. — Ибо головой могу поручиться, он еще покажет себя

мужем славным и доблестным.

— Увидим, — отвечал сэр Кэй, — да только едва ли, ведь каков он сам, такова и просьба его была.

— Смотрите, — сказал ему сэр Ланселот, — вот вы дали славному рыцарю Брюнору Динаданову брату прозвище «Худая Одежда», и сами же за то потом поплатились.

— Ну, что до него, — отвечал сэр Кэй, — то этим вашу правоту не докажешь. Ведь сэр Брюнор всегда мечтал о чести и славе, а этот — лишь о хлебе, да о питье, да о жирной похлебке. Готов жизнью поручиться, он вырос при каком-нибудь монастыре, где не видели вдоволь ни еды, ни питья³, вот он и явился сюда на прокормление.

И велел ему сэр Кэй отыскать себе место за столом и садиться есть. И Бомейн-Прекрасные Руки пошел к дверям зала, сел среди мальчиков и при слуги и ел свой обед в печали. Сэр Ланселот после обеда звал его в свой покой, дабы там накормить и напоить его вдоволь, приглашал его и сэр Гавейн. Но он ни за что не соглашался, ибо желал поступать только так, как приказывал ему сэр Кэй.

Что до сэра Гавейна, то он не зря предлагал ему гостеприимство, а по велению крови, ибо юноша приходился ему близким родичем, хоть он того и не знал. Сэром же Ланселотом руководила лишь любезность его и великое благородство.

И был юноша отправлен на кухню и спал по ночам с кухонными мужиками. Так прожил он целый год и ни разу не обидел ни взрослого, ни ребенка, ко всем являя кротость и покорство. Но всякий раз, как устраивали рыцари поединок, если только мог, непременно шел он смотреть. А сэр Ланселот предлагал ему золото на расходы и дарил платье, и сэр Гавейн тоже. И когда бывали там игрища и состязания, он на них являлся неизменно, и кидал бревна и камни⁴ на два ярда далее самых искусных своих соперников. Сэр же Кэй тогда приговаривал:

— Ну, каков мой кухонный мужик?

Так шло все до самой Троицы, а в тот день король устроил праздник в Карлионе, и такого богатого праздника нигде не бывало, только у Артура раз в году. Но снова король не садился за пиршественный стол, покуда не услышит о каком-нибудь приключении.

Вот прибежал к королю жаж и говорит:

— Сэр, вы можете садиться за стол, ибо сюда едет какая-то девица, уж она-то наверно поведаст о чудесных вещах.

Король обрадовался и сел за стол.

И тут вошла в залу девица, поклонилась королю и просит у него заступничества.

— За кого же мне заступиться? — спрашивает король. — Поведайте нам об этом приключении.

— Сэр, — сказала она, — есть у меня сестра, благороднейшая дама, и ее утесняет тиран, так что она не осмеливается выйти из замка. И как у вас тут собралось, говорят, все славнейшее в свете рыцарство, я сюда и явилась за заступничеством.

— А как имя этой дамы? И где живет она? И кто ее утеснитель, обложивший ее замок?

— Сэр, — отвечала она, — имени этой дамы я пока еще вам не открою, знайте только, что она — благороднейшая дама и владелица многих земель. Что же до того тирана, обложившего ее замок и разоряющего ее владения, то он зовется Красный Рыцарь Красного Поля.

— Не знаю такого, — сказал король.

— Сэр, — сказал сэр Гавейн, — мне он хорошо знаком, ибо он один из самых грозных рыцарей на свете. Говорят, в нем сила семи мужей, и я сам однажды едва не погиб от его руки.

— Добрая девица, — сказал тогда король, — здесь многие рыцари готовы сделать все, что в их силах, дабы помочь госпоже вашей сестре. Но раз вы отказываетесь открыть ее имя и где она живет, то ни один из моих рыцарей, здесь находящихся, не поедет с вами по моей воле.

— Что ж, придется мне, видно, искать в другом месте.

КАК БОМЕЙН ПОЖЕЛАЛ ВЫСТУПИТЬ В ПОЕДИНКЕ И ЖЕЛАНИЕ ЕГО БЫЛО УДОВЛЕТВОРЕНО, И КАК ОН ПОЖЕЛАЛ, ЧТОБЫ ЕГО ПРОИЗВЕЛ В РЫЦАРИ СЭР ЛАНСЕЛОТ ♣ Но не успела еще девица уехать, как явился к королю Бомейн-Прекрасные Руки и сказал так:

— О король, благодарю вас от души, я полных двенадцать месяцев состоял у вас на кухне и щедро там кормился. А теперь я испрошу у вас две другие милости, которые остались за вами.

— Спрашивайте не откладывая, клянусь душой!

— Сэр, первое мое желание таково: соизвольте поручить мне подвиг, о каком хлопочет эта девица, ибо у меня есть на него право.

— Даю тебе на то мое соизволение.

— А теперь, сэр, второе желание, что осталось за вами: пусть меня посвятит в рыцари сэр Ланселот Озерный, ибо если не от него, то более ни от кого не приму я посвящения.

И когда я отъеду от вашего двора с этой девицей, прошу вас, пошлите его вслед за мной, и пусть он произведет меня в рыцари, когда я его о том попрошу.

— Будет исполнено и это, — отвечал король.

— Тьфу на тебя! — вскричала тут девица. — Неужели никого, кроме одного кухонного мужика, ты со мной не отправишь?

Она сильно рассердилась, села на лошадь и уехала. Но в это время подходит к Бомейну-Прекрасные Руки человек и говорит, что конь его и доспехи приехали и карлик привез ему все потребное снаряжение, богатое и роскошное. Весь двор дивился, откуда взялось такое? Когда же предстал он пред ними в полном облачении, то мало кто из мужей был столь блистателен и хорош собою.

А он прошел, не медля, в залу, простился с королем, сэром Гавейном и сэром Ланселотом и просил того, чтобы он вслед за ним поспешал. Сам же сел на коня и пустился вдогонку за девицей, и многие высыпали во двор смотреть, как он отъезжал — конь под ним добрый, на плечах — плащ из золотой парчи, но ни копыя, ни щита при нем не было.

КАК БОМЕЙН ОТПРАВИЛСЯ В ПУТЬ И КАК ОН ДОБЫЛ КОПЬЕ И ЩИТ У СЭРА КЭЯ И КАК ОН СРАЖАЛСЯ И РУБИЛСЯ С СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ ♣ И сказал громко сэр Кэй:

— Пожалуй, поеду я за моим кухонным мужиком, посмотрю, признает ли он меня, своего господина.

— Не надобно того, — говорят сэр Ланселот и сэр Гавейн, — оставайтесь лучше дома.

Но сэр Кэй снарядился в путь, сел на коня, взял копьё и поскакал. И как раз, как нагнал Прекрасные

Руки девицу, тут и сэр Кэй подъехал и кричит:

— Эй, Прекрасные Руки! Или ты, сэр, меня не признаешь?

Поворотил тот коня, признал сразу сэра Кэя, что чинил ему насмешки и обиды, как вы о том слышали. И сказал он:

— Да нет, я вас отлично знаю: вы — низкий царедворец и недостойный рыцарь, а потому берегитесь!

Тут упер сэр Кэй свое копьё в седельный упор и бросился прямо на него, а Прекрасные Руки против него с мечом, выбил у него мечом копьё из рук, быстрым выпадом нанес ему рану в бок, так что повалился сэр Кэй наземь замертво. А Прекрасные Руки спешился, подобрал у сэра Кэя щит и копьё, снова сел на коня и хочет ехать дальше своей дорогой.

Все это видел сэр Ланселот, и девица тоже. А он еще карлику велит сесть на Кэева коня, и карлик садится и вслед за ним скачет. Но тут нагнал его сэр Ланселот, и он предлагает Ланселоту с ним сразиться. Вот изготовились оба и сшиблись друг с другом с такой силой, что оба рухнули наземь и жестоко разбились. Потом поднялся сэр Ланселот и помог ему выпростать ноги из стремени, и тогда Бомейн-Прекрасные Руки отбросил свой щит и предлагает сэру Ланселоту пеший бой.

Ринулись они один на другого, словно два диких вепря, рубили, разили, отступали, наступали, изворачивались, наседали в продолжение целого часа. Видит сэр Ланселот, какая в том сила, и только диву дается, ибо тот сражался как великан, а не простой рыцарь, так стоек он был в бою и так

грозен. Нелегко приходилось сэру Ланселоту с ним в поединке и, боясь позора, заговорил он так:

— Прекрасные Руки, не дерись так яростно! У нас с тобой нет причины ссориться, на том можно и кончить наш бой.

— Воистину это правда,— отвечал тот,— мне просто приятно ощутить вашу мощь. Но ведь и я, господин мой, бился еще не изо всех сил.

КАК БОМЕЙН НАЗВАЛ СЭРУ ЛАНСЕЛОТУ СВОЕ ИМЯ И КАК ОН БЫЛ ПРОИЗВЕДЕН В РЫЦАРИ СЭРОМ ЛАНСЕЛОТОМ И НАГНАЛ ДЕВИЦУ — Во имя господи,— сказал сэр Ланселот,— я клянусь тебе телом и душой, мне пришлось немало постараться, чтобы не потерпеть от тебя позора. А потому знай, что ни один рыцарь на земле тебе не страшен.

— Значит, вы думаете, я могу надеяться, что стану когда-нибудь настоящим рыцарем?

— Всегда дерись так, как сейчас со мной,— сказал сэр Ланселот,— и я буду твоим поручителем.

— Тогда заклинаю вас, сэр, посвятите меня в Рыцарский Орден.

— Сэр, в этом случае вы должны назвать мне свое истинное имя и открыть, какого вы роду.

— Сэр, если только вы не выдадите мою тайну, я скажу вам мое имя.

— Клянусь, сэр,— сказал сэр Ланселот,— своей жизнью, что сохраню тайну, куда вы сами ее всем не откроете.

И тогда он сказал:

— Мое имя — Гарет, я брат сэру Гавейну с отцовской стороны и с материнской стороны.

— А, сэр, вы мне теперь еще больше по душе, чем прежде, мне ведь все время казалось, что наверное вы благородной крови и что не за пищей и питьем явились вы во дворец.

И посвятил его сэр Ланселот в Рыцарский Орден. А после того сэр Гарет попросил его уехать, чтобы он один мог следовать за девицей.

Сэр Ланселот повернул назад, прискакал к тому месту, где оставался сэр Кэй, и позаботился, чтобы его на щите доставили домой, где его едва вывели и вылечили от смертельной раны. И все над ним насмеялись, более же прочих сэр Гавейн. Да и Ланселот говорил, что не дело ему утешать и обижать заезжих молодцов.

— Ведь нам невдомек, какого они роду и за каким делом прибыли ко двору.

С тем и оставим мы сэра Кэя и обратимся к Бомейну-Прекрасные Руки. Нагоняет он девицу, а она ему и говорит:

— Чего тебе здесь надобно? От тебя кухней за милую разит, платье у тебя все сальное и грязное. Ты что думаешь,— так говорила девица,— я приму твои услуги из-за того, что ты убил рыцаря? И не надейся, ведь ты убил его случайно и с трусливым коварством. А потому поворачивай коня и ез-

жай отсюда прочь, ты, грязный кухонный мужик! Я отлично знаю, кто ты таков, ведь сэр Кэй звал тебя Прекрасные Руки, и ты всего лишь неповоротливый мужлан, вращатель вертелов и мойщик уполовников.

— Благородная девица,— отвечал он,— говорите, что хотите, но что бы вы ни говорили, я от вас не уеду, ибо перед королем Артуром я вызвался исполнить этот подвиг и потому я либо доведу его до конца, либо же погибну.

— Тыфу на тебя, кухонный мужик! Где тебе справиться с этим приключением? Вот погоди, встретишься скоро с таким рыцарем, что за всю похлебку короля Артура не отважишься взглянуть ему в лицо.

— А это,— говорит он,— уж как выйдет.

Вот поехали они по лесу и видят: бежит со всех ног им навстречу человек.

— Куда ты бежишь? — спросил Прекрасные Руки.

— Ах, господин,— тот отвечает,— помогите мне! Здесь поблизости на лужайке шестеро воров схватили моего господина, связали крепко-накрепко, и боюсь, не убили бы они его насмерть.

— Веди меня туда,— сказал Прекрасные Руки.

Поехали они и выехали на лужайку, где лежал связанный рыцарь. Пусти Бомейн коня прямо на воров, одного ударил и поразил насмерть, другого вслед за ним тоже, а третьим ударом убил третьего. Остальные же трое оборотились тут в бегство. Но он вдогонку за ними скачет, их настигает, и тогда они против него оборотились, набрасываются на него, наносят удары, пока, наконец, он их всех троих не зарубил и не возвратился освободить от веревок связанного рыцаря.

Рыцарь стал его благодарить и зовет его с собою в свой замок, что был от туда неподалеку, дабы там вознаградить щедро за такое доброе дело.

— Сэр,— отвечал Прекрасные Руки,— мне не надобно награды. Только сегодня я получил посвящение в рыцари от сэра Ланселота, и потому не нужно мне иной награды, кроме божией. И к тому же, должен я следовать за этой девицей.

Но когда он к ней подъехал, она велела ему убраться прочь:

— От тебя разит кухней! Ты что думаешь, за все, что ты здесь сделал, я буду рада тебе? Просто тебе недобрый случай сейчас помог, но вот погоди, скоро увидишь такое, что сразу коня повернешь, и мгновенья не промедлишь.

Но спасенный рыцарь поехал за девицей и просил ее остановиться на ночь в его замке. А ночь уже близилась, и потому она согласилась, и там был им оказан щедрый прием. За ужином сажает рыцарь Бомейна-Прекрасные Руки напротив девицы.

— Фу, какой позор,— говорит она,— вы неучтивы, сэр рыцарь, что посадили против меня кухонного прислужника. Ему более пристало свиней колоть, чем сидеть за столом против девицы высокого рождения.

Рыцарь устыдился ее слов, взял и усадил его сбоку за отдельный стол, и сам сел против него.

Так они в тот вечер сладко ели и сладко спали в ту ночь.

Chapter
vi.

КАК БОМЕЙН ВСТУПИЛ В БОИ И УБИЛ ДВУХ РЫЦАРЕЙ У ПЕРЕПРАВЫ ♣ А наутро простилась с рыцарем девица, благодарила его и снова отправилась в путь. И так ехали они, покуда не очутились в диком лесу. Поперек пути у них текла широкая река, а через ту реку лишь один переезд, но на том берегу стояли два рыцаря в полном вооружении.

— Ну, что скажешь ты? — спрашивает девица. — Померишься силами с теми двумя рыцарями или же назад повернешь?

— Нет, — отвечал сэр Бомейн, — назад я не поверну, будь их там хоть шестеро!

И с тем направил он коня в воду. Съехались они с разлета посередине реки, и обломались у них от удара копья, только щепы в руках остались. Тогда вытащили они мечи и стали яростно рубиться. Наконец, ударил сэр Бомейн своего противника по шлему, так что совсем его оглушил, тот свалился в воду, да так и утонул. А сэр Бомейн прищпорил коня и выбрался на берег, но тут второй рыцарь на него налетел и тоже сломал с разлету свое копье. И снова обнажили мечи, и долго рубились они друг с другом, покуда, наконец, не разрубил сэр Бомейн тому шлем и голову до плеч. А потом вернулся он к девице и приглашает ее переехать через реку.

— Увы, — говорит она, — надо же такому злосчастью случиться, что кухонному мужику выпало убить двух славных рыцарей! А ты что думаешь, ты доблестно сражался? Отнюдь нет, просто под первым рыцарем конь споткнулся, вот он и утонул в реке, а вовсе не было в том твоей заслуги и победы. А второй рыцарь пал, потому что на беду оказался ты у него за спиной и на злосчастье сумел его сзади зарубить.

— Благородная девица, — отвечал Прекрасные Руки, — говорите, что хотите, но с кем ни пришлось бы мне сражаться, уповаю на бога, что всякому сумею воздать, прежде чем мы с ним разъедемся. А потому мне безразлично, что бы вы ни говорили, только бы мне освободить вашу госпожу.

— Тьфу, вонючий кухонный мужик! Вот погоди, встретишься с рыцарями, которые уймут твое хвастовство.

— Любезная девица, говорили бы вы со мной ласково, и тогда ни о чем не было бы мне заботы, ибо какие бы рыцари мне ни встретились, мне дела нет, я никого не боюсь.

— Но ведь я для твоей же выгоды так говорю, — отвечала девица, — ты пока еще можешь с честью повернуть назад. Ибо если ты и дальше последуешь за мной, то почитай себя уже убитым. Я же видела, что всего, что ты сделал, добился ты просто удачей, а не доблестью твоих рук.

— Ну, что же, благородная девица, говорите, что хотите, но куда бы вы ни направились, я последую за вами.

И ехал Бомейн-Прекрасные Руки с той дамою до самой вечерни, и она его всю дорогу поносила, не давая себе отдыха. Но вот, наконец, выехали они на черный луг, где рос черный боярышник, на нем с одного боку висело черное знамя, с другого — черный щит, а подле стояло черное копье, боль-

шое и длинное, рядом конь богатырский черный под шелковой попоной, а чуть в стороне — глыба черного камня. А на нем сидел рыцарь, весь закованный в черные латы, и прозвание ему было Рыцарь Черного Поля.

Chapter
vii.

КАК БОМЕЙН БИЛСЯ С РЫЦАРЕМ ЧЕРНОГО ПОЛЯ И БИЛСЯ, ПОКУДА ОН НЕ УПАЛ И НЕ УМЕР ♣ Увидела девица этого рыцаря и крикнула Бомейну, чтобы спасался бегством вниз по оврагу, покуда у того рыцаря конь не оседлан.

— Грамерси, — отвечал Прекрасные Руки, — что почитаете меня трусом.

Черный же Рыцарь при виде ее спросил:

— Благородная девица, вы при дворе короля Артура выбрали этого рыцаря себе в защитники?

— Нет, любезный рыцарь, это не рыцарь, а лишь кухонный мужик, из милости кормившийся у Артура на кухне.

Тогда рыцарь сказал:

— Что же он ездит в таком облачении? Ведь это позор, что он вас сопровождает.

— Сэр, я не в силах отделаться от него, ибо он увязался за мною против моей воли. Дай-то бог, — говорит она, — чтобы вы его от меня отвядили! Либо же убейте его, если сможете. Ибо он — злосчастный холоп и на беду сегодня выехал в недобрый час. Я сама видела, как он зарубил двух рыцарей у речного брода, и еще до этого свершил он чудесные подвиги, все по воле недоброго случая.

— Это удивительно, — отвечал Черный Рыцарь. — Неужели хоть один настоящий рыцарь согласился с ним сражаться?

— Сэр, они не знали, кто он, — объяснила девица. — Они думали, раз он едет со мной, значит, он благородного рода.

— Возможно, что так, — сказал Черный Рыцарь, — но как бы то ни было, хоть он, вы говорите, вовсе не благородного рода, он собой весьма статен и верно должен быть очень силен. Но я вам обещаю, — сказал Черный Рыцарь, — я заставляю его спешиться и коня его и доспехи оставляю у себя. Но больше я ему ничего не сделаю, ибо это было бы для меня позором. Услыхал сэр Бомейн эти речи и говорит:

— Сэр рыцарь, ты неплохо распорядился моим конем и моими доспехами! Такие слова недорого стоят. Но хочешь ты того или нет, я через этот луг все равно и против твоей воли проседу, коня же моего и доспехи ты получишь, только если отнимешь их силой рук и оружия. А потому поглядим-ка, на что ты способен!

— Это ты-то такие речи говоришь? — сказал Черный Рыцарь. — А ну, отступись от своей дамы и езжай прочь. Не пристало кухонному мужику обещество такой дамы.

— Лжешь! — отвечал Бомейн, — я благородного рода и происхождения более высокого, чем ты, и сейчас я тебе это докажу!

Вот в великом гневе разъехали они в оба конца луга, пришпорили коней и ринулись друг на друга, сшиблись, словно гром грянул. Сломалось копье у Черного Рыцаря, Бомейн же проткнул его своим копьем насквозь. Только и его копье тут сломалось, и осталось острие у того в боку. Но Черный Рыцарь все равно обнажил меч и обрушил на него могучие удары без счета и нанес Бомейну жестокие раны. Полтора часа они так бились, но под конец свалился Черный Рыцарь без чувств с коня, да так и дух испустил.

А сэр Бомейн поглядел, видит: добрый у того конь и славные доспехи, быстро спешился он, облачился в его доспехи, сел на его коня и поскакал вдогонку за девицей. Увидела она его и говорит:

— Прочь, кухонный мужик, чтобы ветер от тебя в мою сторону не дул! От твоей грязной одежды дурной дух и мне досада. Увы! — так сказала она, — что за недобрый случай помог такому холопу, как ты, убить столь славного рыцаря! Все это просто злая твоя удача. Но погоди, неподалеку отсюда встретится тебе тот, кто за все тебе оплатит! А потому опять я советую тебе: беги.

— Может быть, и в самом деле, — отвечал Прекрасные Руки, — буду я побежден или убит. Но заверяю вас, любезная девица, я не убегу и не оставлю вас, что бы вы мне ни говорили. Ведь вы всякий раз говорите, что меня убьют или одолеют, но уж как бы там ни было, а я выхожу цел, они же остаются лежать на земле. И потому лучше было бы вам оставить насмешки, какими донимаете вы меня целый день, ибо я все равно от вас не отстану, покуда не увижу конца этого приключения, если только не буду убит или вконец побежден. Езжайте же своей дорогой, и, что бы ни случилось, я последую за вами.

КАК БРАТ УБИТОГО РЫЦАРЯ ВСТРЕТИЛСЯ С БОМЕЙНОМ И БИЛСЯ С БОМЕЙНОМ, ПОКА НЕ ПОКОРИЛСЯ Вот едут они дальше и видят: скачет, торопится им вслед рыцарь, весь в зеленом — и доспехи, и чепрак на коне. Нагнал он их и спрашивает у девицы:

— Это мой брат Черный Рыцарь едет с вами?

— Нет, нет, — она отвечает, — этот злосчастный кухонный мужик убил по воле недоброго случая твоего брата.

— Увы! — вскричал Зеленый Рыцарь. — Препжалостно

это, что такой благородный рыцарь, как он, столь злосчастливым образом погиб, да еще, как вы говорите, от холопской руки! Ну, предатель! — так сказал Зеленый Рыцарь, — за то, что подло убил ты моего брата, ты умрешь! Он был благороднейший рыцарь, и звался он сэр Перард⁵.

— Не страшны твои угрозы, — отвечал сэр Бомейн. — И знай, что брата твоего я убил не подло, но в честном рыцарском поединке.

Тут подъехал Зеленый Рыцарь к кусту боярышника, а на том кусте висел зеленый рог. Он схватил его, дунул трижды и издал три грозных призыва. И явились тут две девицы и в миг снарядили его для боя. Он пересел на боевого коня, навесил через плечо зеленый щит, взял зеленое копье, и ри-

нулись они друг на друга, сшиблись, и обломились у них в руках копьё по рукояти. Тогда они обнажили мечи и наносили один другому много яростных ударов, и презестокое один другого изранили. Но под конец налетел сэр Бомейн конем сбоку на Зеленого Рыцаря, конь того не устоял, и очутился Зеленый Рыцарь на земле. Но Зеленый Рыцарь высвободил проворно ноги из стремян, вскочил и изготовился биться пешим. Увидел это Прекрасные Руки, тоже спешился, и бросились они друг на друга, точно два могучих кулачных бойца, и долго рубились, так что оба жестоко истекали кровью.

А девица подъехала к ним и говорит:

— Господин мой Зеленый Рыцарь, не стыдно ли вам, что так долго бьетесь с кухонным мужиком? Увы! на позор посвятили вас в рыцари, если этот деревенщина вас одолевает, как сорная трава одолевает хлеба на полях.

Устыдился Зеленый Рыцарь и, собравшись с силой, вдруг нанес ему великий и могучий удар, так что надвое расколол его щит. Но и Бомейна устыдили ее речи и этот могучий удар, от которого раскололся надвое щит у него в руках. И обрушил он меч тому на шлем с такой силою, что тот не устоял, рухнул на колени, а сэр Бомейн еще его толкнул, и растянулся он ничком на земле. Тут запросил Зеленый Рыцарь пощады, признает Бомейна Прекрасные Руки победителем и молит сохранить ему жизнь.

— Напрасны все твои мольбы, — отвечал Прекрасные Руки. — Ты умрешь, если только за тебя не попросит эта девица, что приехала вместе со мной. И распустил ему завязки шлема, словно затем, чтобы отсечь ему голову.

— Тыфу на тебя, подлый кухонный мужик! Никогда не стану я просить тебя о спасении его жизни, не желаю у тебя одолжаться.

— Что ж, тогда он умрет, — говорит сэр Бомейн.

— Не так грозно, ты, грязный мужлан, — сказала девица. — Убивай, меня не испугаешь!

— Увы! — промолвил Зеленый Рыцарь. — Неужели вы допустите, чтобы я погиб, пожалеете для меня доброго слова? Благородный рыцарь, — сказал Зеленый Рыцарь, — сохрани мне жизнь, и я прошу тебе гибель моего брата и всегда стану служить тебе, сам я и тридцать рыцарей, которые держат от меня, и мы будем верными твоими слугами.

— Во имя дьявола! — вскричала девица. — Неужто этому грязному мужлану станут служить тридцать рыцарей и ты сам?

— Сэр рыцарь, — отвечал Прекрасные Руки, — все бесполезно, покуда моя дама не попросит меня о твоём спасении.

И он уже замахнулся, чтобы отсечь ему голову.

— Оставь его, — сказала девица, — ты, грязный кухонный мужик! Не убивай его, иначе раскаяешься.

— Благородная девица, — сказал Прекрасные Руки, — исполнить ваше веление для меня удовольствие, и по вашему приказу жизнь ему будет сохранена, иначе же нет. — И сказал он: — Сэр рыцарь в зеленых доспехах, я отпускаю тебя на свободу по просьбе этой девицы, которую гневить не желаю, ибо я исполняю все, о чем бы она меня ни попросила.

Тут встал Зеленый Рыцарь на колени и протянул ему свой меч. А девица сказала:

— Сокрушаюсь я, сэр Зеленый Рыцарь, о вашем поражении и о гибели вашего брата Черного Рыцаря, мне великая нужда была в вашей помощи, ибо я очень боюсь ехать через этот лес.

— Не бойтесь ничего, — отвечал Зеленый Рыцарь, — ибо эту ночь вы все проведете у меня, а завтра утром я вас через этот лес провожу.

Вот сели они на коней и поскакали к его замку, что расположен был оттуда неподалеку. Но и там девица все грустила над Бомейном-Прекрасные Руки и не позволила ему сесть с ней за один стол, так что Зеленый Рыцарь отвел его за другой стол и там вместе с ним сидел.

КАК ДЕВИЦА ВСЕ ВРЕМЯ ПОНОСИЛА БОМЕЙНА И НЕ ДОЗВОЛЯЛА ЕМУ СЕСТЬ С НЕЙ ЗА ОДИН СТОЛ, А ЗВАЛА ЕГО КУХОННЫМ МУЖИКОМ

— Благородная девица, — сказал Зеленый Рыцарь, — дивлюсь я, что вы все время грумитесь над этим славным рыцарем. Ведь я ручаюсь, он — муж благородный, и я не знаю рыцарей, ему равных. А потому вы поступаете неправильно, что так его поносите, ведь он будет вам служить, как ни один рыцарь. Ибо кем бы он сейчас ни представлялся, он в конце концов выкажет себя рыцарем самой благородной крови и королевского рода.

— Тыфу! — отвечала девица. — Позор, что говорите вы о кухонном мужике хвалебные речи.

— Воистину, — отвечал Зеленый Рыцарь. — позор был бы мне говорить о нем худые речи, ибо он выказал себя лучшим рыцарем, нежели я, а я немало добрых рыцарей встречал с копьем в руках на своем веку, но ни разу не видел рыцаря, равного ему.

Ночью же, когда ушли они на покой, Зеленый Рыцарь тайно наказал своим тридцати рыцарям всю ночь до утра сторожить сэра Бомейна и оберегать его от измены и коварства. Утром встали они, прослушали обедню, утолили голод, а потом сели на коней и поехали своей дорогой, и Зеленый Рыцарь проводил их через лес. А когда надо им было расставаться, он сказал так:

— Господин мой сэр Бомейн, я сам и эти тридцать рыцарей всегда будем к вашим услугам, когда бы вы нас ни призвали и куда бы ни послали.

— Добро вы говорите, — отвечал сэр Бомейн. — Когда я призову вас, вы должны будете со своими тридцатью рыцарями прибыть по моему наказу к королю Артуру и объявить себя его пленниками.

— Мы в любое время готовы это сделать, — сказал Зеленый Рыцарь.

— Тыфу, позор тебе, во имя диаволово, — сказала девица, — что столь благородный рыцарь выказывает послушание кухонному мужику!

Так она с ним распрощалась, а потом говорит Бомейну:

— Что ты преследуешь меня, кухонный мужик? Выбрось ты этот щит и копье и беги прочь. Я тебе во благовременье даю такой совет, а не то скоро станешь кричать: «Увы!» Ибо будь ты даже могуч, как сэр Ланселот, сэр

Тристрам или добрый рыцарь сэр Ламорак, все равно тебе не пройти этим ущельем, которое называется Гиблый Проход.

— Благородная девица, — отвечал Прекрасные Руки, — кто боится, пусть спасается бегством, ведь позор был бы мне повернуть теперь назад, когда я уже так далеко с вами заехал.

— Все равно, — сказала девица, — ты скоро повернешь назад, хочешь ты того или нет.

КАК ТРЕТИЙ БРАТ, КОТОРОГО ЗВАЛИ КРАСНЫЙ РЫЦАРЬ, БИЛСЯ С БОМЕЙНОМ НА КОПЬЯХ И НА МЕЧАХ И КАК БОМЕЙН ПОБЕДИЛ ЕГО

Проехали они еще немного и видят: возвышается башня, белая, как снег, навесными бойницами на все стороны прорезанная, двойным рвом обведенная, а на воротах башни висят пятьдесят разного цвета щитов. Перед башней — просторный луг, а на лугу видно рыцарей и пажей без счета, и шатры, и подмосты, ибо там назавтра предстояло быть большому турниру.

А владеец той башни был в своих покоях, он увидел из окна девицу, карлика и рыцаря в полном вооружении.

— Ну, да поможет мне бог, — вымолвил он, — с этим рыцарем я выйду на поединок, ибо, сдается мне, это — странствующий рыцарь.

Вот с поспешностью облачился он в доспехи и сел на коня. А когда сидел он в седле, со щитом на плече и с копьем в руке, то все у него было красное, и сбруя на коне, и латы на нем, и все остальное. Думается тому, что это брат его Черный Рыцарь, и он громким голосом его окликает:

— Брат, что делаете вы в наших краях?

— Нет, нет! — отозвалась девица. — Это не брат ваш, а кухонный мужик, вскормленный из милости на Артуровом дворе.

— Пусть так, — отвечал Красный Рыцарь, — я все равно хочу поговорить с ним, прежде чем он поедет дальше.

— Что вы! — вскричала девица. — Этот мужлан убил вашего брата. Сэр Кэй дал ему прозвище Прекрасные Руки, а конь под ним и доспехи принадлежали прежде вашему брату Черному Рыцарю. А еще он у меня на глазах одолел вашего другого брата — Зеленого Рыцаря. Теперь-то, наконец, вы должны ему отомстить, ибо я не могу от него избавиться.

С тем разъехались рыцари в разные стороны, и ринулись друг на друга на полном скаку. У обоих кони рухнули наземь. Но они высвободили ноги из стремян, выставили перед собой щиты и, обнажив мечи, стали наносить один другому жестокие удары — то там, то здесь, нападая, отступая, приседая, насадая и бросаясь друг на друга, точно два диких вепря, в продолжение двух часов. Наконец, крикнула девица Красному Рыцарю:

— Увы, благородный Красный Рыцарь! Вспомни свою неизменную боевую славу! Не позволяй кухонному мужику так долго против тебя стоять! Красный Рыцарь тут разъярился и удвоил свои удары и нанес Бомейну

жесточайшие раны, так что кровь побежала на землю и дивно было смотреть на столь отчаянный бой. Но под конец все же Прекрасные Руки поверг его на землю. И хотел уже его убить, как вскричал Красный Рыцарь: — Пощади, благородный рыцарь! Не убивай меня! Я сдаюсь во власть твою вместе с шестьюдесятью рыцарями, что находятся у меня в подчинении, и прошу тебе все обиды, какие ты мне учинил, — и смерть моего брата Черного Рыцаря, и поражение другого брата — Зеленого Рыцаря.

— Бесполезно, — отвечал Прекрасные Руки. — Одно может тебя спасти: если моя дама станет просить меня о твоём спасении.

И он сделал вид, будто сейчас отрубит ему голову.

— Отпусти его, Бомейн, не надо его убивать, ведь он — благородный рыцарь и к тебе не питает вражды, если только ты сохранишь ему жизнь.

Тут велел он Красному Рыцарю подняться на ноги и благодарить прекрасную девицу за свое избавление. А потом Красный Рыцарь стал приглашать их осмотреть его замок и там провести ночь. Девица дала на то свое согласие, и их приняли в замке с великим радушием.

Но девица, не переставая, осыпала Бомейна унизительной бранью, и слыша это, немало дивился Красный Рыцарь. В ту ночь он отрядил шестьдесят рыцарей сторожить гостя, чтобы ему не учинил никто ни обиды, ни позора.

Наутро они прослушали обедню, утолили голод, и явился тогда Красный Рыцарь перед Бомейном с шестьюдесятью рыцарями, воздал ему почести и присягнул ему на верность и служение вместе со своими рыцарями.

— Я благодарю вас, — отвечал Прекрасные Руки. — Вы же вот что мне обещайте: по моему зову вы должны явиться перед господином моим королем Артуром, изъявить ему верность и покорность.

— Сэр, — сказал Красный Рыцарь, — я сам и моя дружина всегда готовы явиться по первому вашему зову.

И снова пустился Прекрасные Руки в путь вслед за девицей, которая не переставала клясть его и поносить и осыпать самой жестокой бранью.

КАК СЭР БОМЕЙН ПЕРЕНОСИЛ ПОНОШЕНИЯ ДЕВИЦЫ И ПЕРЕНОСИЛ ТЕРПЕЛИВО — Девица, — сказала ей Прекрасные Руки, — вы неучтивы, что так обращаетесь со мной, ведь кажется, я сослужил вам хорошую службу, и хоть вы всякий раз грозились, что быть мне побитым встречными рыцарями, но, всякий раз, несмотря на такую вашу похвалу, они повергнуты в прах и грязь. А потому прошу вас, не оскорбляйте меня больше; когда увидите, что я побит или сдался, тогда и гоните меня с позором, а до той поры, знайте, я вас не покину, ибо иначе я был бы уж вовсе глупец, что покинул вас, пока честь победы на моей стороне.

— Ничего, — говорит она, — вот скоро встретишься ты с рыцарем, который за все воздаст

тебе по заслугам, ибо он — доблестнейший рыцарь на свете, не считая короля Артура.

— С превеликой охотой, — отвечал Прекрасные Руки. — Ведь чем доблестнее он, тем больше мне чести с ним сразиться.

И вот в скором времени увидели они впереди город, богатый и прекрасный, а перед городом раскинулся больше чем на милю прекрасный луг, свежескошенный и уставленный пестрыми, приятными глазу шатрами.

— Вон там, — говорит девица, — находится господин этого города, и у него такой обычай: располагаться в погожие дни здесь на лугу, проводя время в турнирах и поединках. При нем всегда пятьсот рыцарей и благородных воинов, и они устраивают всевозможные игры и состязания, в каких только может подвизаться благородный муж.

— Этого достославного лорда я бы очень хотел повидать.

— погоди, ты на него еще вдоволь наглядишься, — отвечала девица. И поспешила вперед, высматривая шатер лорда.

— Вон, погляди, — наконец, сказала она. — Видишь ли шатер, весь выкрашенный синей краской индиго? (И там, куда она указывала, все: и мужчины, и женщины, и лошади, и щиты с перевязями, и копья, — всё было синего цвета.) Его имя — сэр Персиант Индийский, это величайший из рыцарей, каких ты когда-либо встречал.

— Возможно, что и так, — отвечал Прекрасные Руки, — но каким бы могучим рыцарем он ни был, я все равно не покину этого поля до тех пор, пока не увижу его под щитом.

— Глупец! — воскликнула она. — Лучше спасайся, пока еще есть время.

— Зачем? — отвечал Бомейн. — Раз он такой благородный рыцарь, как говорите вы, то он не набросится на меня со своими людьми, ну а если они будут выходить на меня по-одному, то я ему ни в чем не уступаю.

— Тьфу! — говорит девица. — Надо же, чтобы какой-то вонючий кухонный мужик так выхвалялся!

— Девица, — сказал он, — дурно вы поступаете, что так надо мной глумитесь, ибо я предпочел бы сразиться в пяти поединках, чем подвергнуться таким оскорблениям. Пусть он выходит против меня, и тогда посмотрим, насколько он страшен.

— Сэр, — сказала тогда она, — я дивлюсь тебе. Какого ты роду и откуда прибыл, что так смело говоришь, да и действовал смело у меня на глазах? Потому-то я и прошу тебя: спасайся, пока еще можно, ибо и сам ты и конь твой немало сегодня уже потрудились, мне же страшно дольше медлить вдали от замка. Ведь нам осталось до места осады лишь семь миль и все опасности мы уже миновали, кроме этой последней, вот почему я так сильно страшусь, как бы тебе здесь не пострадать. И потому я хочу, чтобы ты поспешил прочь отсюда и не был побит и изувечен этим могучим рыцарем. Но знай, что сэру Персианту Индийскому далеко до того рыцаря, что осаждает мою госпожу.

— Ну, что до этого, — отвечал Бомейн, — то уж будь как будет, но раз уж я съехался столь близко с этим рыцарем, то не могу не помериться с ним силою прежде, чем мы расстанемся, не то позор мне будет, что я от него убежал. А потому, благородная девица, не бойтесь: с божией помощью я

так отделаю этого рыцаря, что покончу с ним к исходу второго часа после полудня, и мы еще засветло поспеем на подмогу к осажденной даме.

— Ах, Иисусе, дивно мне, что вы за человек? Ибо не иначе как вы благородного происхождения, потому что ни одна женщина так не глумилась, не издевалась над рыцарем, как я над вами, вы же переносили все с неизменной учтивостью, а это дается лишь людям благородной крови.

— Любезная девица, — отвечал Бомейн, — немногого стоит тот рыцарь, который не выказывает кротости даме. Что ни говорили вы мне, я не придавал словам вашим значения — ведь чем больше вы меня бранили, тем больше возрастал мой гнев, а я обращал его на тех, с кем сражался. Брань, которой вы меня незаслуженно осыпали, только подвигала меня на храбрый бой и была мне на пользу, она внушала желание отличиться и выказать себя таким, какой я в самом деле есть. Ведь как ни по душе мне было кормиться при дворе короля Артура я бы, наверно, и в другом месте снискал себе пропитание, но я, может быть, просто высматривал себе товарищей. Как-нибудь в другое время еще откроется, рыцарского я роду или нет. Пока же помните, любезная девица, что службу я сослужил вам рыцарскую и, быть может, еще не так вам послужу, прежде чем нам расстаться.

— Увы! — сказала она, — любезный Бомейн, простите мне все обиды, что я вам причинила.

— Со всей моей охотой, — отвечал он, — я вам прощаю, ибо вы поступали так, как должно вам было поступать, и ваша брань была мне в удовольствие. Прекрасная девица, — сказал Бомейн, — раз вы теперь предпочитаете обращаться со мной ласково, знайте, что душа моя этому радуется, и сдается мне, нет на свете рыцаря, которого бы я теперь не одолел.

КАК БОМЕЙН БИЛСЯ С СЭРОМ ПЕРСИАНТОМ ИНДИЙСКИМ И ПРИНУДИЛ ЕГО К СДАЧЕ ♣ Между тем сэр Персиант Индийский их заметил, как они остановились на лугу и беседовали, и по-рыцарски послал к нему узнать, с миром ли он туда приехал или же с войной.

— Передай господину своему, что это — как он захочет, мне же все равно.

Посланный возвратился к сэру Персианту и передал ему тот ответ.

— Ах так! Тогда я вступаю с ним в поединок и мы будем биться до последнего.

И он облачился в доспехи и выехал против Бомейна.

Увидав это, изготовился сэр Бомейн, и они ринулись друг на друга во весь опор, сшиблись, что было мочи, и сломались у обоих копья на три куска каждое, и кони под ними обоими рухнули наземь. Проворно высвободили они ноги из стремян, выставили перед собой щиты, обнажили мечи и стали осыпать друг друга могучими ударами без счета, и так друг на друга наскокивали, что, случалось, падали ничком на землю.

Так рубились они два часа с лишком, и уже щиты у них и панцири были иссечены, и во многих местах были они оба поранены. Но под конец сэр

Бомейн пробил ему бок, и он стал понемногу отступать, хотя долго еще по-рыцарски вел с ним бой. Но вот наконец, хоть и не по душе ему то было, Бомейн ударил сэра Персианта сверху по шлему, так что рухнул тот ничком наземь, а он сверху на него прыгнул и, распутав завязки его шлема, приготовился его убить. Тут признал сэр Персиант свое поражение и запросил пощады. И девица подъехала, стала просить за сэра Персианта.

— Я сохраню ему жизнь с охотой, — сказал Бомейн-Прекрасные Руки, — ибо прежалостно было бы, чтобы такой благородный рыцарь должен был умереть.

— Грамерси, — сказал сэр Персиант, — Теперь я точно знаю, что это вы убили моего брата Черного Рыцаря у Черного боярышника. Достоправный рыцарь то был! Звали же его — сэр Перард. И еще уверился я, что это вы нанесли поражение второму моему брату, Зеленому Рыцарю по имени сэр Пертолип. Вы же победили и третьего моего брата, Красного Рыцаря — сэра Перимона. И вот теперь, сэр, вы победили и меня. Вот что я готов сделать вам в угоду: я присягну вам на верную службу вместе с сотней моих рыцарей, и мы всегда будем у вас в распоряжении, готовые ехать, куда вам угодно, по первому вашему слову.

И они вошли в шатер сэра Персианта и пили там вино и ели пряные яства. А потом сэр Персиант уложил его на ложе отдыхать до ужина, а после ужина уложил его спать. Когда же сэр Бомейн уже улегся в постель, — а у сэра Персианта была дочь, прекрасная собой девица восемнадцати лет, — вот он и призвал ее к себе и повелел ей, с отцовского благословения, взойти к тому рыцарю на ложе.

— Лягте с ним рядом, дочь моя, и не отпугивайте его, но будьте с ним приветливы и ласковы, заключите его в свои объятия и поцелуйте, да смотрите, чтобы все было сделано, как я повелеваю, если дороги вам моя любовь и доброе расположение.

Так и сделала дочь сэра Персианта, как наказал ей отец, она приблизилась к ложу сэра Бомейна, тихонько разделась и легла с ним рядом. Проснулся он, увидел ее и спрашивает, кто она такая.

— Сэр, — она отвечает, — я дочь сэра Персианта, я пришла по повелению моего отца.

— Вы девица или замужняя дама?

— Сэр, — отвечает она, — я чистая девственница.

— Господь меня упаси, — говорит он, — чтобы я вас лишил девственности и тем причинил сэру Персианту столь великий стыд! И потому прошу вас, любезная девица, встаньте с этого ложа, или же придется встать мне.

— Сэр, — сказала она, — я ведь явилась сюда не по моей воле, но по отцовскому велению.

— Увы! — сказал сэр Бомейн. — Позор был бы мне, рыцарю, если бы я причинил вашему отцу такое бесчестие.

Он поцеловал ее и она удалилась и, придя к отцу своему сэру Персианту, поведала ему все, как и что с ней было.

— Истинно, — сказал сэр Персиант, — кто бы он ни был, он муж благороднейший.

Здесь мы оставляем их до утра.

О БОГОУГОДНОЙ БЕСЕДЕ МЕЖДУ СЭРОМ ПЕРСИАНТОМ И БОМЕЙНОМ, И КАК ОН ОТКРЫЛ, ЧТО ЕГО ИМЯ — СЭР ГАРЕТ

А наутро сэр Бомейн и его дама отслушали обедню, утолили голод и стали прощаться.

— Любезная девица, — сказал сэр Персиант, — куда везете вы с собой этого рыцаря?

— Сэр, — отвечала она, — этот рыцарь едет к Замку Угроз, в котором терпит осаду моя сестра.

— А-а, — сказал сэр Персиант, — знаю, ее осаждает Рыцарь Красного Поля, самый беспощадный, свирепый рыцарь, какого я только встречал на земле, и че-

ловек, не ведающий милосердия. К тому же говорят, в нем сила семи мужей.

Спаси вас бог, сэр Бомейн, от этого рыцаря, но он жестоко утесняет ту даму, а это великой жалости достойно, ибо она — одна из прекраснейших дам на свете, и вижу я, ваша дама ее сестра. Ваше имя не Лионетта?

— Да, сэр, так меня зовут, а госпожа моя сестра зовется леди Лионесса.

— Вот что я вам скажу, — говорит сэр Персиант, — этот Красный Рыцарь Красного Поля давно обложил ее замок, скоро два года стоит он осадой, и он уже много раз мог бы его взять, но он все тянет и медлит, ибо хочет дожидаться, чтобы приехал биться с ним в поединке сэр Ланселот Озерный, или сэр Тристрам, или же сэр Ламорак Уэльский, или же сэр Гавейн, вот потому-то он и продолжает осаду. А теперь, господин мой, — сказал сэр Персиант Индийский, — поезжайте с легким сердцем и с тяжелой рукой, ибо вам предстоит сразиться с достойнейшим противником.

— Вот посмотрите, как я с ним управлюсь, — сказал сэр Бомейн.

— Сэр, — сказала тут девица Лионетта, — я прошу вас за этого благородного юношу: посвятите его в рыцари, прежде чем ему драться с Красным Рыцарем.

— Я готов со всей моей охотой, — отвечал сэр Персиант. — Если только он согласен принять посвящение в Рыцарский Орден от такого незнатного человека, как я.

— Сэр, — отвечал Бомейн, — я вас благодарю, но мне уже посчастливилось в этом: сам сэр Ланселот Озерный посвятил меня в рыцари.

— О! — воскликнул сэр Персиант, — более почетного посвящения не могли бы вы удостоиться, ибо среди всех рыцарей он должен быть назван главою рыцарства, и по всему свету идет молва, что славу истинного рыцарства разделили между собой три рыцаря: сэр Ланселот Озерный, сэр Тристрам Лионский и сэр Ламорак Уэльский. Эти трое — из рыцарей славнейшие, но есть и много других благородных рыцарей, как сэр Паломид-Сарацин, сэр Сафир, его брат; а также сэр Блеоберис и его брат сэр Бламур Ганский; и сэр Борс Ганский, и сэр Эктор Окраинный, и сэр Персиваль Уэльский. Эти все и еще многие — благородные рыцари, но нет среди них ни одного со столь славным именем, как те трое. А потому да пошлет вам господь удачи, — так сказал сэр Персиант, — ибо если вы одолеете Красного Рыцаря, будете вы почитаться четвертым рыцарем в мире.

— Сэр, — отвечал Бомейн, — мне бы очень хотелось приобрести рыцарскую

славу и доброе имя. Знайте, что я из хорошего рода, смело могу сказать, что отец мой — благородный барон. И если вы обещаете хранить это в тайне, и эта благородная девица тоже, я открою вам, кто я таков и из какого рода.

— Мы не выдадим вас, — сказали они оба, — пока вы сами того не пожелаете, клянемся нашей верою в Иисуса.

— Истинно, — сказал он тогда, — мое имя — сэр Гарет Оркнейский, и король Лот мне отец, и мать моя — сестра королю Артуру, имя же ее — леди Моргауза. Сэр Гавейн мне приходится братом, а также сэр Агравейн и сэр Гахерис, я из них всех меньший. Но ни сам король Артур, ни сэр Гавейн не знают, кто я.

КАК ДАМА, КОТОРАЯ ПОДВЕРГАЛАСЬ ОСАДЕ, ПОЛУЧИЛА ИЗВЕСТИЕ ОТ СВОЕЙ СЕСТРЫ О ТОМ, ЧТО ОНА НАШЛА ЕЙ РЫЦАРЯ, И О ПОЕДИНКАХ, ИЗ КОТОРЫХ ОН ВЫШЕЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ

Между тем, как рассказывается в Книге, та дама, что находилась в осажденном замке, была известена карликом о приближении своей сестры и о том, что с нею едет рыцарь, и как они благополучно преодолели все опасности в пути.

— А что он за человек? — спросила дама.

— Он истинно благородный рыцарь, госпожа, — отвечал ей карлик. — Он еще совсем юн, но собою хорош, какого краше не встретишь.

— Кто же он таков и откуда родом? — спросила дама. — И от кого он принял посвящение в рыцари?

— Госпожа, — отвечал карлик, — он приходится сыном королю Оркнейскому, но имени его я вам пока не назову; однако знайте, что в рыцари его произвел сэр Ланселот, ибо ни от кого другого он не соглашался принять посвящение, и что сэр Кэй прозвал его Бомейн-Прекрасные Руки.

— А как он ушел от братьев сэра Персианта?

— Так, как должно благородному рыцарю. А сначала еще он двоих рыцарей убил у брода.

— Ах! — сказала она. — То были два славных рыцаря, но немилосердные убийцы. Одного из них звали сэр Герард ле Брюс, а другого сэр Арнольд ле Брюс.

— После того, госпожа, он повстречался с Черным Рыцарем и убил его в честном бою, и дальше поехал, взяв его коня и доспехи, и бился с Зеленым Рыцарем и его в честном бою одолел. Так же обошелся он и с Красным Рыцарем, а потом тем же самым образом и с Синим Рыцарем, одолев его в честном поединке.

— Так значит, — сказала дама, — он победил сэра Персианта Индийского, одного из благороднейших рыцарей в мире?

— Истинно, госпожа, — отвечал карлик, — он одолел всех четверых братьев и Черного Рыцаря убил, но он свершил и еще многое — он поверг сэра

Кэя и оставил его лежать на земле замертво; и еще он вел великий поединок с сэром Ланселотом, и они разошлись полюбовно, и вот тогда-то сэр Ланселот и посвятил его в рыцари.

— Карлик, — сказала дама, — я радуюсь этим вестям. А потому отправляйся поскорее в отшельническую обитель, что находится тут неподалеку на моих землях, и захвати с собой моего вина в двух бутылках из серебра — в них вмещается по два галлона, — а также два карава хлеба вместе с жирным жарким из оленины и изысканно приготовленной дичью; и еще вот я даю тебе золотой кубок, богато украшенный драгоценными камнями. Ты отнеси все это к моему отшельнику и передай ему прямо в руки. А после возвращайся к моей сестре, приветствуй ее от меня сердечно, а также передай мой поклон тому любезному рыцарю и пригласи его отведать еды и питья и набраться свежих сил. Да скажи ему, что я благодарю его за его благородство и доброту, что он взял на себя такой труд ради меня, которая ни разу не оказала ему ни щедрости, ни любезного приема. Пусть он мужается и воспрянет духом, ибо ему предстоит встреча с рыцарем доблестным, но не знающим ни учтивости, ни благородства, ни доброты; тому нет дела ни до чего, кроме убийства, вот почему я не могу его хвалить и не могу полюбить его.

Карлик с ней расстался и возвратился к сэру Персианту. Он застал еще у него девицу Лионетту и сэра Бомейна и пересказал им все, что вы сейчас слышали. Они стали прощаться с сэром Персиантом, но он сел на низкорослую лошадь и проводил их до дороги и поручил их господе. Вот в недолгом времени приехали они в отшельничью обитель, там пили они вино и угощались жареной олениной и другой дичью. Когда же они насытились, карлик взял порошние бутылки и кубок и привез их обратно в замок. Но по дороге повстречался ему Красный Рыцарь Красного Поля и спрашивает, откуда он едет и где был.

— Сэр, — отвечает карлик, — я ездил с сестрой моей госпожи, владелицы замка, а она побывала при дворе короля Артура и везет с собою оттуда рыцаря.

— Ну, я думаю, напрасны все ее труды и пропадут они даром, ибо привези она с собою даже сэра Ланселота, сэра Тристрама, сэра Ламорака или сэра Гавейна, все равно, сдастся мне, я ни перед кем из них не оплошаю.

— Возможно, что и так, — отвечал карлик, — но только этот рыцарь преодолел все опасности на пути, убил Черного Рыцаря и еще двоих и победил в поединках Зеленого Рыцаря, Красного Рыцаря и Синего Рыцаря.

— Так значит он один из тех четверых, что я сейчас тебе назвал?

— Нет, — отвечал карлик, — но он — королевский сын.

— Как же его имя? — вопрошал Красный Рыцарь Красного Поля.

— Этого я вам не скажу, но сэр Кэй прозвал его в насмешку Бомейн-Прекрасные Руки.

— Ну, мне нет дела до того, кто он таков, — промолвил рыцарь, — все равно я с ним скоро разделаюсь, и когда я его одолею, он погибнет позорной смертью, как и многие другие до него.

— Жаль, если это будет так, — сказал карлик, — и жаль, что вы ведете с благородными рыцарями столь постыдную войну.

КАК ДЕВИЦА И БОМЕЙН ПРИБЫЛИ К МЕСТУ ОСАДЫ И ПОДЪЕХАЛИ ПОД ДЕРЕВО СИКАМОРУ И КАК БОМЕЙН ЗАТРУБИЛ В РОГ И К НЕМУ НА БОЙ ВЫЕХАЛ РЫЦАРЬ КРАСНОГО ПОЛЯ. А те-

перь мы оставляем этого рыцаря и карлика и поведем речь о Бомейне-Прекрасные Руки, который всю ночь провел в хижине отшельника. На заре прослушали они с девицей Лионеттой обедню, утолили голод, сели на коней и поскакали через густой лес. Вот выезжают на равнину и видят: стоит там множество шатров и палаток, и высится посреди прекрасный замок, а вокруг дым клубится и слышен великий шум. Подъезжают они поближе к осажденному замку, и видит сэр Бомейн, что вокруг на высоких деревьях висят повешенные рыцари в полном облачении, и щиты у них на шее, и мечи на поясе, и золоченые шпоры на пятках. Так висело там на позорище чуть не сорок рыцарей в полных доспехах. Упало сердце у сэра Бомейна, и спрашивает он:

— Что это значит?

— Добрый сэр, — отвечает девица, — не падайте духом, как ни ужасен этот вид, напротив того, мужайтесь, иначе мы все погибли. Ведь все эти рыцари прибыли сюда к осажденному замку на выручку моей сестре даме Лионессе, но когда Красный Рыцарь Красного Поля одерживал над ними верх, он всякий раз казнил их этой позорной казнью без пощады. Таким же образом он поступит и с вами, если только вы не возьмете над ним верх.

— Упаси меня Иисусе, — сказал сэр Бомейн, — от столь низкой смерти и оружие мое от позора. Чем кончить так, уж лучше пасть в честном бою. Оно и лучше, — сказала девица, — но смотрите, не доверяйте ему, ему неведомо благородство. У него в мыслях только убийства и позорные казни. А это жаль, — сказала девица, — ибо он муж собою видный и рыцарь предоблестный, и ему принадлежат многие земли и богатые владения.

— Истинно, — сказал сэр Бомейн, — быть может, он и доблестный рыцарь, но он привержен к низким обычаям, и удивления достойно, что он так долго оставался невредим, просто ни одному из благородных рыцарей господина моего короля Артура не случилось с ним сразиться.

Поскакали они дальше и подъехали ко рву. Видят, высятся вдоль рвов крепкие стены, а под стенами расположились многие могучие бароны и кругом громко играют и поют менестрели. А с другой стороны ударяют в стены морские волны, а на них качаются корабли, и матросы громко кричат свое «Эгей! Тяни, подымай!»

И там поблизости росло дерево сикомора, а на нем висел рог, столь огромный, что им такого видеть не случилось; он был сделан из слоновой кости, и Рыцарь Красного Поля его там повесил для того, чтобы кто из странствующих рыцарей туда прибудет, в тот рог бы затрубил, и он тогда изготвится и выйдет с ним на поединок.

— Но молю вас, сэр,— сказала девица,— не трубите в этот рог раньше, чем настанет полдень, ибо сейчас еще утро и сила его возрастает¹, а в нем, говорят, силы на семерых.

— Ах, любезная девица, позор вам! Больше никогда не говорите мне таких речей, ибо каким бы доблестным рыцарем он ни был, я не уступлю ему, даже когда он в самой силе,— либо завоюю себе чести в честном бою, либо же погибну на поле рыцарской смерти.

С тем пришпорил он коня, подскакал прямо к сикоморе и так сильно дунул в тот рог, что откликнулось, загудело и в замке и в стане осаждающих. Из шатров и палаток повыскакивали во множестве рыцари, а те, кто находились в замке, стали выглядывать из-за стен и из окон.

А Красный Рыцарь Красного Поля облачился поспешно в доспехи, двое баронов нацепили ему на пятки шпоры, и все на нем было кроваво-красное: и латы, и меч, и щит. Шлем ему на голову надел и пристегнул граф, и привели ему коня красного и подали красное копьё. Выехал он на лужайку перед замком, чтобы и в замке и в его лагере могли видеть поединка.

КАК ОБА РЫЦАРЯ СЪЕХАЛИСЬ, И О ЧЕМ ОНИ ГОВОРИЛИ, И КАК НАЧАЛИ ПОЕДИНОК

— Сэр,— обратилась девица Лионетта к Бомейну,— глядите веселее и радуйтесь, ибо вон он, ваш смертельный враг, а вон у того окна стоит госпожа сестра моя, дама Лионесса.

— Где?— спросил сэр Бомейн.

— А вон там,— отвечала девица и указала пальцем.

— Воистину,— сказал Бомейн,— она кажется мне самой прекрасной из всех когда-либо виденных мною дам. И право,— сказал он,— лучшего не надобно мне случая, чтобы отличиться в поединке, ибо она будет моей дамою и ради нее я сейчас иду в бой.

И с тем обратил он к ее окну лицо свое с любезным и радостным видом, а эта дама, госпожа Лионесса, сделала ему глубокий реверанс, до самой земли, воздев кверху ладони. Но тут окликнул Бомейна Красный Рыцарь и сказал:

— Сэр рыцарь, оставь эти взгляды и смотри лучше на меня, таков тебе мой совет, ибо знай, она — моя дама, и ради нее я провел уже немало храбрых поединков.

— Если и так,— отвечал сэр Бомейн-Прекрасные Руки,— то, сдаётся мне, это был напрасный труд, ибо ей не мило твое общество, любить же ту, которая не любит тебя,— великое неразумие². Если бы я не видел, что она радуется моему приезду, я бы еще подумал, прежде чем идти за нее на бой. Но по осаде этого замка я могу судить, что к тебе она вовсе не стремится. И потому говорю тебе, Красный Рыцарь, я ее люблю и освобожу ее, либо же за нее погибну.

— Ты осмеливаешься так говорить? — вскричал Красный Рыцарь. — Я думал, тебя образумит вид тех рыцарей, висящих на деревьях.

— Стыд и позор тебе,— отвечал Бомейн,— что говоришь ты такие слова и совершаешь столь низкие поступки! Ведь этим ты позоришь себя и все рыцарство. Так знай и не сомневайся, что ни одна дама тебя не полюбит, если узнает тебя и твои подлые обычаи. Ты думал, что вид повешенных рыцарей меня испугает? Ну, нет, ошибся ты! Позорное это зрелище только питает мою храбрость и ожесточает против тебя мое сердце гораздо сильнее, чем если бы ты был честным и благородным рыцарем.

— Готовься к бою! — вскричал Красный Рыцарь. — Довольно с меня твоих речей.

Вот наставили они копьё и ринулись друг на друга со всей, сколько в них было, мощью. Ударил один другого в середину щита, так что лопнули подруги, пахвы и нагрудники, и свалились оба на землю, не выпустив из рук поводьев. Долго лежали они так, совсем оглушенные, и уже все в замке и на поле думали, что они сломали себе шеи.

И многие говорили, среди осаждающих и среди осажденных, что неизвестный этот рыцарь — муж великой силы и доблестный боец, «ибо доньше не видали мы рыцаря, который мог бы помериться силами с Красным Рыцарем Красного Поля». Так говорили люди и за стенами, и у шатров.

Но тут они вскопали на ноги с легкостью и проворством, высвободившись из стremян и бросив поводья, выставили перед собой щиты и обнажили мечи и налетели друг на друга, точно дикие львы, и нанесли один другому по шлему два таких удара, что оба пошатнулись и отступили на два шага. Но тут же опомнились, снова ринулись в бой и вырубали один у другого из лат и щитов немало больших кусков, разбрасывая их по всему полю.

КАК ПОСЛЕ ДОЛГОГО БОЯ БОМЕЙН ОДОЛЕЛ РЫЦАРЯ И ХОТЕЛ ЕГО УБИТЬ, НО ПО ПРОСЬБЕ ЛОРДОВ СОХРАНИЛ ЕМУ ЖИЗНЬ, НО ЗАСТАВИЛ ЕГО ПОКОРИТЬСЯ ДАМЕ

Так бились они, а между тем уже миновал полдень, но ни тот ни другой не помышляли о конце поединка, куда, наконец, оба вовсе не задохнулись, и тогда остановились они друг против друга и стояли, качаясь, едва держась на ногах, клонясь к земле, громко и тяжело дыша и истекая кровью, так что чуть не все, кто там был, плакали от жалости. Но немного передохнув, вновь ринулись они в бой, наседая, приседая, разя и рубя, точно два диких вепря. То вдруг бросались с разбега и сшибались, как два оленя, так что падали оба ничком на землю, а то вдруг в сумятице боя вместо собственного меча хватались за меч противника.

Так продолжалось до самой вечерни, и ни один из тех, кто там был, не мог сказать, который возьмет верх в поединке. Доспехи на них были все

иссечены, так что просвечивали голые бока, и другие части тела были у них обнажены, но нагие места защищали они оружием от ударов. Красный Рыцарь был в бою хитер, и это научило сэра Бомейна уму-разуму, но дорогой ценой заплатил он за такую науку.

Вечером согласились они оба на передышку и сели друг против друга тут же на двух невысоких кочках. Сба отстегнули и сняли шлемы, чтобы освежиться прохладным ветром, ибо их пажы постоянно находились поблизости, готовые по первому знаку снять с них доспехи или же снова надеть, когда им прикажут. Когда же, обнажив голову, сэр Бомейн обратил взор вверх, к тому окну, он увидел в нем прекрасную даму Лионессу, и она так на него посмотрела, что вновь стало у него на сердце радостно и легко. И тогда призвал он Красного Рыцаря Красного Поля снова готовиться к бою. — И будем мы биться до последнего!

— С превеликой охотою, — отвечал рыцарь.

Вот опять пристегнули они свои шлемы, отослали прочь пажей и, сойдясь, стали рубиться снова. Но Красный Рыцарь Красного Поля выждал и налетел на него сбоку и поранил ему ладонь, так что выпал у него меч из руки. Тут нанес он ему и второй удар — по шлему, — и упал Бомейн ничком на землю, а Красный Рыцарь навалился на него сверху, чтобы не дать ему подняться.

И тогда вскричала громким голосом девица Лионетта:

— О, сэр Бомейн! Где же твоя храбрость? Увы! Госпожа моя сестра глядит на тебя, и она так плачет и рыдает, что при виде ее у меня разрывается сердце.

Услыхал сэр Бомейн такие ее речи, он собрал всю свою могучую силу, вскочил на ноги, проворно прыгнул к своему мечу, схватил его, сжал в руке и, повернувшись, бросился на Красного Рыцаря, и возобновили они свой смертный бой.

Но теперь сэр Бомейн удвоил силу своих ударов, он осыпал того ударами, так что выпустил Красный Рыцарь свой острый меч. Тут ударил его Бомейн по шлему, и упал тот на землю, а сэр Бомейн навалился на него сверху и, отстегнув ему шлем, хотел уже его убить. И тогда признал тот свое поражение и стал просить пощады, громким голосом говоря:

— О, благородный рыцарь, я сдаюсь на твое милосердие!

Но сэр Бомейн вспомнил всех тех рыцарей, что были им позорно повешены, и сказал:

— Честь моя не позволяет мне сохранить тебе жизнь, потому что ты обрек позорной смерти столько благородных рыцарей.

— Сэр, — промолвил Красный Рыцарь, — опустите ваш меч, и вы узнаете причину, по какой я обрек их всех позорной смерти.

— Говори! — сказал сэр Бомейн.

— Сэр, некогда я любил одну прекрасную даму, у которой были убиты братья, и она сказала мне, что их убил сэр Ланселот Озерный либо же сэр Гавейн, и молила меня во имя моей любви к ней, чтобы я поклялся ей своим рыцарским достоинством не складывать ни на день оружия, покуда не встретится мне один из них, и всякого, кого я одолею в бою, чтобы обрекал я на постыдную смерть. И я поклялся ей, что буду чинить позор и смерть

рыцарям Артура и тем двоим отомщу. И еще, сэр, я сейчас открою вам, что каждый день до полудня сила моя возрастает в семь раз.

КАК РЫЦАРЬ ПРИЗНАЛ СЕБЯ ПОБЕЖДЕННЫМ И КАК БОМЕЙН ВЕЛЕЛ ЕМУ ОТПРАВИТЬСЯ КО ДВОРУ КОРОЛЯ АРТУРА И ПРОСИТЬ ПОЩАДЫ У СЭРА ЛАНСЕЛОТА. Между тем собрались туда

многие графы, и бароны, и благородные рыцари и просили за того рыцаря, чтобы он сохранил ему жизнь и сделал его своим пленником. Они встали перед ним на колени и молили о пощаде. — И право, сэр, — говорили все, — разумнее вам принять от него присягу на верность и служение и чтобы он держал свои земли от вас, чем убивать его, ибо от его смерти не будет вам никакого проку, а что он сотворил обид, того не изменишь. И потому пусть лучше он все обиды искупит, мы же станем вашими людьми и присяг-

нем вам на верную службу.

— Любезные лорды, — отвечал Бомейн-Прекрасные Руки, — знайте, что мне бы очень не хотелось убивать этого рыцаря, хоть он сотворил много зла и позора. Но поскольку все это он совершил по велению дамы, я виню его уж не так сильно, и ради вас я его согласен отпустить. Но жизнь ему будет сохранена лишь вот на каком условии: пусть он пойдет в замок и сдастся на милость его владелицы, и если она его простит, то и я готов, но только пусть он возместит ей за все утеснения, какие чинил он ей и ее землям. А когда это будет сделано, он еще должен отправиться ко двору короля Артура и там испросить прощения у сэра Ланселота и сэра Гавейна за то зло, что он против них питал.

— Сэр, — промолвил Красный Рыцарь, — все это я сделаю, как вы мне повелеваете, и в том получите вы надежные поручительства и залого. И представив залого и заверения, он присягнул ему на верную службу и подчинение, и с ним — все его графы и бароны.

Тогда пришла к сэру Бомейну дева Лионетта, она совлекла с него доспехи, осмотрела и промыла ему раны и остановила кровь, и так же обошлась она с Красным Рыцарем Красного Поля. А после того они десять дней пролежали там в палатках, набираясь сил и залечивая раны. И Красный Рыцарь наказал своим баронам и слугам, чтобы они, как могли, угождали сэру Бомейну и делали все, что он прикажет. А в недалгом времени пошел Красный Рыцарь в замок на поклон к госпоже, и она смилостивилась над ним, получив надежные залого и заверения, что всякий ущерб от него ей будет возмещен, на что бы она ни пожаловалась. А он после того собрался в путь и прибыл ко двору короля Артура; и там открыто Красный Рыцарь отдался на милость сэра Ланселота и сэра Гавейна и при всем народе поведал о том, как он был побежден в поединке и кем, а также перечислил он все прежние битвы Бомейна, от первой и до последней.

— Иисусе милосердный, — вскричали король Артур и сэр Гавейн. — Вот диво! Он — столь славный рыцарь, какого же он роду?

— Не дивитесь, — отвечал им сэр Ланселот. — Вы скоро узнаете, что он самого высокого роду. Что же до силы его и мужества, то, право, мало кто из ныне живущих мог бы с ним сравниться силою и благородной доблестью. — Сдается нам, — сказал король Артур, — что вам уже известно его имя и откуда он родом.

— Надо думать, что так, — отвечал сэр Ланселот. — А иначе я не дал бы ему своего посвящения в высокий Орден Рыцарства. Но он тогда взял с меня обещание не открывать его тайну, пока он сам того не пожелает, или же пока она не откроется через кого-нибудь другого.

КАК БОМЕЙН ОТПРАВИЛСЯ К ДАМЕ, НО НАШЕЛ ВОРОТА ЗАПЕРТЫМИ, И КАКИЕ СЛОВА ГОВОРИЛА ЕМУ ДАМА Теперь возвратимся мы к сэру Бомейну, который в это время просил девицу Лионетту, чтобы ему увидиться с ее госпожой.

— Сэр, — отвечала она, — я и сама очень хотела бы, чтобы вы с ней увиделись.

Вот облачился сэр Бомейн во все доспехи, сел на коня, подхватил копье и поскакал прямо к замку. Но подъехав к воротам замка, он увидел там вооруженных людей, и они подняли разводной мост и опустили на воротах железную решетку. Подивился он тому, что они не дают ему войти в замок, поднял голову и увидел в окне прекрасную даму Лионессу, и она ему громким голосом сказала так:

— Поезжай своей дорогою, сэр Бомейн, ибо пока еще не будет тебе моей любви, сначала должен ты приобрести славу одного из достойнейших рыцарей мира. Потому поезжай и завоеуй себе чести и славы, а ровно через двенадцать месяцев ты услышишь новые вести.

— Увы, любезная госпожа! — сказал сэр Бомейн. — Прекрасные Руки. — Не заслужил я от вас такого холодного приема. Я-то надеялся, что вы встретите меня с великим радушием, ведь я по мере моих сил заслужил вашу благодарность. И право же, я заплатил за вашу любовь немалой долей собственной крови.

— Любезный, учтивый рыцарь, — отвечала дама Лионесса, — не гневайтесь и не будьте чересчур поспешны в своем суде, ибо знайте, что подвиги ваши бранные и верная любовь не напрасны, ибо я ценю вашу доблесть и мужество, ваше благородство и доброту, как и должно их ценить. Поэтому поезжайте своим путем, да смотрите, не падайте духом, ибо все будет к лучшему и вам во славу; и, — видит бог! — двенадцать месяцев скоро пролетят. Я же, верьте мне, любезный рыцарь, буду вам верна и никогда

не изменю, я до самой смерти буду любить лишь вас и больше никого. С этими словами она отвернулась от окна, и сэр Бомейн поехал прочь от замка в великой печали. Он скакал, сам не зная куда и не разбирая дороги, пока не спустилась ночная тьма. И случилось как раз, что он выехал к хижине бедняка, и там расположился он на ночлег. Но только не было в ту ночь покоя сэру Бомейну, он метался и ворочался на ложе от любви к этой даме — владелице замка.

А утром он сел на коня и ехал, куда солнце не поднялось совсем высоко, и выехал на берег широкой реки, а там спешился и лег спать, голову положив на щит, коня же поручив карлику и наказав ему караулить всю ночь до следующего утра.

А теперь мы обратимся к той даме — владелице замка. Она день и ночь думала о сэре Бомейне. Вот призвала она к себе брата своего сэра Грингамура и закланала его как только могла, если любит он ее, чтобы поскакал он за сиром Бомейном.

— Вы подстерегите его, когда он будет спать, ибо я уверена, глубоко опечаленный, он где-нибудь спешится и ляжет спать под открытым небом. И вот тогда подкрадитесь к нему тайным образом, схватите его карлика и с ним возвращайтесь к себе как только можно скорее: моя сестра Лионетта говорит, что от карлика можно узнать, какого он роду и откуда. Потому мы с нею пока отправимся в ваш замок и будем ждать вашего прибытия с карликом, и я сама его допрошу, ибо пока я не узнаю его настоящего имени и откуда он родом, не будет моему сердцу веселия и покоя.

— Сестра, — отвечал сэр Грингамур, — все это будет сделано по вашему желанию.

Он отправился в путь и ехал весь следующий день и всю ночь, пока, наконец, не выехал к реке, где расположился сэр Бомейн. И когда он увидел сэра Бомейна спящим, со щитом под головой, он подкрался неслышно сзади к карлику, подхватил его, зажал подмышкой и поскакал с ним к себе в замок. А был тот сэр Грингамур весь в черном, и доспехи черные, и конь под ним черный, и все, что при нем. Но карлик, уносимый к чужому замку, успел крикнуть своему господину и воззвать к нему о помощи. И оттого пробудился сэр Бомейн, вскочил проворно на ноги и заметил, куда поскакал черный рыцарь с карликом и в какой стороне скрылся.

КАК СЭР БОМЕЙН ПОЕХАЛ СПАСАТЬ СВОЕГО КАРЛИКА И ПРИЕХАЛ В ЗАМОК, ГДЕ ТОТ НАХОДИЛСЯ Тут надел сэр Бомейн шлем, навесил на плечо щит, сел на коня и поскакал в погоню во весь опор через луга и топи и через широкие равнины, и нередко в пути случилось ему на коне с головой погружаться в трясины, ибо он скакал не разбирая дороги, и не раз в безумии своего гнева был на волос от гибели. Но под конец случилось ему выехать на ровный зеленый проселок, и там повстречался ему бедный поселянин. Он спросил

его, не видел ли он рыцаря на черном коне и в черных доспехах, у которого позади седла сидит маленький грустный карлик?

— Сэр, — отвечал бедный человек, — мимо меня тут проехал сэр Грингамур, рыцарь, и с ним карлик. Но мой совет вам: не преследуйте его, ибо он — один из самых грозных рыцарей в мире, и замок его здесь совсем неподалеку, всего в двух милях. Вот почему мы советуем вам не ехать за сэром Грингамуром иначе как с миром.

Тут покинем мы сэра Бомейна на пути к замку и поведем речь о сэре Грингамуре и карлике. Лишь только оказался карлик в замке, дамы Лионесса и Лионетта, ее сестра, стали его допрашивать, откуда прибыл его хозяин и какого он роду-племени.

— Ну, а если только не откроешь ты мне это, — сказала дама Лионесса, — то веки не выйдешь из этого замка, навсегда останешься здесь узником.

— Что до этого, — отвечал карлик, — то я без боязни могу сказать вам его имя и какого он роду-племени. Знайте же, что он — сын короля и королевы, его отец зовется король Лот Оркнейский, а мать его — сестра королю Артуру и сэр Гавейн — его брат. Имя же его — сэр Гарет Оркнейский. А теперь, когда я назвал вам его настоящее имя, я молю вас, прекрасная дама, отпустите меня к моему господину, ибо он не покинет здешних краев, покуда не вернет меня себе; когда же он в гневе, то не знает удержу, он причинит много бед и вы потерпите от него великий урон.

— Что до этих угроз, — сказал сэр Грингамур, — то пойдемте-ка лучше обедать.

Они умылись и приступили к обеду и веселились при этом от всей души. Ибо оттого, что леди Лионесса из Замка Угроз была наконец с ними, они все радовались и шутили.

— В самом деле, госпожа, — говорила сестре своей Лионетта, — похоже, что он и вправду королевский сын, ведь у него много достоинств: он учтив и добр, и он — самый кроткий человек, с каким мне случалось встречаться. Ибо, правду говоря, ни одна дама так грубо не оскорбляла рыцаря, как я изводила и поносила его, и во все время он неизменно отвечал мне лишь кротостью и добротой.

Но пока они так сидели и беседовали, сэр Гарет подъехал к воротам замка с обнаженным мечом в руке и крикнул зычным голосом на весь замок:

— Эй, ты, рыцарь-предатель сэр Грингамур! Возврати мне моего карлика, не то, клянусь верностью моею господу богу и высокому Ордену Рыцарства, я причиню тебе столько зла, сколько будет в моих силах!

А сэр Грингамур тут выглянул из окна и сказал:

— Сэр Гарет Оркнейский, оставь свои хвастливые речи, ибо карлика твоего ты назад не получишь.

— Ах так, трусливый рыцарь! — вскричал Гарет. — Спустишь же с ним вместе и сразись со мною и выиграй его в честном поединке.

— Так я и сделаю, — отвечал сэр Грингамур, — если только захочу. Ты же какие грозные речи ни произноси, не получишь его назад.

— Ах, любезный брат, — говорит тут леди Лионесса, — уж лучше бы возвратишь ему карлика, ибо я не желала бы вызывать его гнев. Ведь теперь, когда я узнала, что хотела, мне больше его карлик не нужен. К тому же, брат мой, он так много для меня сделал, избавив меня от Красного Рыцаря Крас-

ного Поля. Поэтому, любезный брат, я у него в долгу более, чем у какого-либо другого рыцаря на свете, и он изо всех рыцарей один мне по сердцу. Мне бы очень хотелось с ним поговорить. Только ни в коем случае нельзя, чтобы он догадался, кто я, пусть думает, что это какая-то другая неизвестная дама.

— Хорошо, сестра, — отвечал сэр Грингамур. — Раз такова ваша воля, я подчинюсь ему.

С тем спустился он из замка и сказал так:

— Сэр Гарет, я прошу пощады. Все дурное, что вам сделал, я готов возместить по вашей воле. Теперь же прошу вас только спешиться и испытать мое гостеприимство в этом замке, а я чем богат, тем и буду рад вам.

— Возвратят ли мне моего карлика? — спросил сэр Гарет.

— Да, сэр, вас ждет там ваш карлик и самый любезный прием, ибо лишь только ваш карлик открыл мне, кто вы и откуда родом и какие благородные подвиги свершены вами в здешних краях, как я немедленно раскаялся, что был с вами столь непочтителен.

Сэр Гарет спешился, а тут и карлик его явился и принял у него коня.

— А-а, дружище! — сказал ему сэр Гарет. — Пришлось мне ради тебя поездить!

Тут сэр Грингамур взял его за руку и ввел в залу, где находилась его жена.

КАК СЭР ГАРЕТ, ИНАЧЕ ПРОЗЫВАЕМЫЙ БОМЕЙНОМ, ЯВИЛСЯ К СВОЕЙ ДАМЕ И КАК ОНИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ, И ОБ ИХ ЛЮБВИ. Туда же вышла к ним и леди Лионесса, наряженная принцессой, и она приветствовала его очень радушно, и он ее тоже, и они вели между собой изысканную беседу, речи их были учтивы и обхождение любезно. И много раз думал про себя сэр Гарет: «Иисусе! Вот если бы госпожа Замка Угроз была столь же прекрасна, как она!»

Были в тот вечер устроены игры и всевозможные развлечения, и пение, и танцы, и сэр Гарет все смотрел и любовался этой дамой. И чем больше он на нее смотрел, тем сильнее разгоралась в нем любовь, покуда он уже едва не лишился рассудка. Вечером сели они ужинать, а сэр Гарет не может куска проглотить — так сгорал он

от любви, что сам себя не помнил.

Заметил его взгляды сэр Грингамур, и вот после ужина завал он свою сестру леди Лионессу во внутренние покои и так ей говорит:

— Любезная сестра, я отлично вижу все, что происходит между вами и этим рыцарем, и я хочу, чтобы вы знали, сестрица, что он — рыцарь благороднейший, и если вы склоните его остаться здесь у меня, я буду всячески

ему угождать и служить, ибо будь вы даже лучше, чем вы есть, все равно он вас вполне достоин.

— Любезный брат,— отвечала леди Лионесса,— я и сама отлично знаю, что он — добрый рыцарь и славного рода. Но все равно я хочу испытать его еще, хотя из всех смертных перед ним я в самом большом долгу, ибо ради меня свершил он немало ратных трудов и прошел через много опасностей.

Тут вышел сэр Грингамур к сэру Гарету и сказал ему так:

— Сэр, возвеселитесь духом, ибо у вас нет и не будет причины к унынию, ведь любовь этой дамы, мой сестры, будет неизменно принадлежать вам, если только честь ее останется соблюдена. Она вас любит так же, как вы ее, и даже больше, если это возможно.

— Знай я это,— отвечал сэр Гарет,— не было бы на свете человека веселее меня.

— Клянусь честью,— сказал Грингамур,— вы можете моим словам довериться. Оставайтесь здесь столько, сколько вам угодно, и эта дама будет с нами денно и нощно — улаживать и развлекать вас, насколько ей это под силу.

— С охотою,— отвечал сэр Гарет,— ибо я дал обещание до исхода двенадцати месяцев находиться в здешних краях, и я знаю, что король Артур и другие благородные рыцари непременно за эти двенадцать месяцев меня здесь разыщут, ибо, покуда я жив, они меня будут искать и найдут.

И вошел Гарет к леди Лионессе, целовал ее без счета, и радости их обоим не было границ. Она поклялась ему в своей верной любви, что будет всю жизнь любить его и никого другого до самой смерти. И с соизволения своего брата леди Лионесса открыла сэру Гарету всю правду: что она — та самая дама, за которую сражался он в поединке, и что она — госпожа Замка Угроз.

КАК НОЧЬЮ ПОЯВИЛСЯ ВООРУЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ И БИЛСЯ С СЭРОМ ГАРЕТОМ И КАК, ЖЕСТОКО РАНЕННЫЙ В БЕДРО, ОН ОТСЕК РЫЦАРЮ ГОЛОВУ И еще поведала она ему, как она упросила брата увезти у него карлика «для той причины, чтобы узнать наверняка, кто вы такой и какого рода». А потом позвала сестру свою Лионетту, что проехала с ним вместе долгий путь. И тогда сэр Гарет убедился и возрадовался еще того более.

Потом обручились они и обменялись клятвами, что будут любить друг друга и хранить верность, покуда живут на свете. И так они оба сгорали от пылкой любви, что уговорились тайно удовлетворить свое желание. Леди Лионесса наказала сэру Гарету, чтобы он лег на ночь непременно в зале, и обещала перед полуночью к его ложу туда пробраться.

Так он и сделал по ее наказу, но тайной это ни для кого не осталось, все их намерения угадали, ибо они оба были молоды и нежны возрастом и в подобных ухищрениях не опытные. Не понравилось это девице Лионетте, она сочла, что сестра ее леди Лионесса чересчур торопится, что не хочет выждать срока до свадьбы. И решила она для спасения сестринской чести помешать этому. Она обратилась к колдовским чарам, чтобы не вышло ихнему, как им обоим грезилось, покуда не будут они повенчаны.

А ночь приближалась. После ужина вынесли все из залы, и все мужчины и дамы должны были разойтись на ночь по отдельным покоям. Но сэр Гарет объявил, что никуда не пойдет, ибо для странствующего рыцаря, сказал он, нет места удобнее для ночного отдыха, чем эта зала. И вот поставили там большое ложе, на него постлали пуховые перины, и на них улегся он спать.

А в скором времени явилась туда к нему леди Лионесса, закутанная в плащ на горностаевом меху, и легла подле сэра Гарета. Он заключил ее в объятья и стал целовать.

Но вдруг поднял он взгляд и видит: стоит перед ним вооруженный рыцарь в окружении множества огней, в руке держит алебарду и с грозным видом на него замахивается. Увидев это, сэр Гарет вскочил с ложа, схватил свой меч и бросился в ярости на рыцаря. А тот сделал выпад алебардой и пронзил ему мякоть бедра, так что образовалась рана шириной в ладонь и многие жилы и вены оказались рассечены. Тут ударил его сэр Гарет по шлему с такой силой, что рухнул тот ничком наземь, а сэр Гарет прыгнул на него сверху, отстегнул ему шлем и отсек ему голову от тела. Но у самого у него так сильно бежала кровь из раны, что не мог он устоять на ногах, но упал без чувств на свое ложе и лежал, словно мертвый.

Закричала тут леди Лионесса громким голосом, сэр Грингамур ее услышал и спустился в залу. Увидев, что сэр Гарет лежит, предательски раненный, он рассердился не на шутку и сказал:

— Мне стыдно, что этот благородный рыцарь потерпел предательство в моем доме,— так говорил сэр Грингамур.— Как это случилось, что вы находитесь здесь, а этот благородный рыцарь лежит раненный?

— Брат,— отвечала она,— не могу вам этого сказать, но только сделано это не мною и не с моего изволения, ибо он — мой господин и я принадлежу ему, и он должен стать моим супругом. И потому, брат мой, я хочу, чтобы знали вы: я не стыжусь находиться с ним и улаживать его, насколько это в моих силах.

— Сестра,— сказал на это сэр Грингамур,— а я хочу, чтобы знали вы, и сэр Гарет тоже, что и не мною это сделано и не с моего соизволения, столь коварное, подлое дело.

Остановили они ему кровь, как могли, и горько убивались оба, и сэр Грингамур, и леди Лионесса. Но тут вдруг явилась туда Лионетта, на глазах у них у всех подняла отрубленную голову, натерла ее притираниями в том месте, где была она отрублена, и шею тоже натерла там, где росла голова. А потом составила все вместе, и голова пристала чуть не крепче прежнего. Рыцарь вскочил проворно, и девица Лионетта отвела его к себе в спальню.

Все это видели сэс Грингамур и леди Лионесса, и сэс Гарет тоже, он видел своими глазами, что это была та самая девица Лионетта, что сопровождала его раньше на всем его опасном пути.

— Ах, девица, девица, — сказал он, — вот уж не думал я, что вы со мной так обойдетесь.

— Господин мой сэс Гарет, — отвечала Лионетта, — как я с вами обошлась, в том я во всем погоды признаюсь, и увидите, что это к вашей же чести и к чести всех нас тоже.

Вот в недалгом времени совсем почти оправился сэс Гарет, снова сделался весел и шутив и снова стал петь и танцевать. И опять в нем и в леди Лионессе так разгорелась жаркая любовь, что они на десятую ночь пять сговорились, что она тайно придет к нему на ложе. Но потому что в прежний раз был он ранен, положил он теперь подле постели все доспехи свои и меч свой.

КАК УПОМЯНУТЫЙ РЫЦАРЬ НА ВТОРУЮ НОЧЬ ЯВИЛСЯ СНОВА И СНОВА БЫЛ ОБЕЗГЛАВЛЕН И КАК НА ПРАЗДНИК ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ ВСЕ РЫЦАРИ, ПОБЕЖДЕННЫЕ СЭРОМ ГАРЕТОМ, ПРИБЫЛИ ПЛЕННИКАМИ КО ДВОРУ КОРОЛЯ АРТУРА. А она как обещала, так и явилась. Но лишь только очутилась она у него в постели, как увидела, что приближается к их ложу вооруженный рыцарь, и о том успела сказать Гарету. Он проворно с ее доброй помощью облачился в доспехи и стал биться с тем рыцарем во гневе и злобе, гоняясь за ним по всему залу. Но

в каком бы углу они ни рубились, позади и впереди них было светло, будто горело двадцать ярких факелов.

От великого напряжения сил снова вскрылась у сэра Гарета старая рана, и он начал истекать кровью. Но в пылу боя и в храбрости своей он и не поглядел на свою рану, а могучим ударом сокрушил рыцаря наземь, сорвал с него шлем и отсек ему голову.

Потом разрубил он ту голову на сотню кусков, а разрубив, подобрал их и вышвырнул все через окно в замковый ров. Но к этому времени он уже совсем ослабел и едва стоял на ногах, и прямо в доспехах упал в смертном обмороке на пол.

И снова закричала громким голосом леди Лионесса, так что услышал ее сэс Грингамур, и когда он спустился туда и нашел сэра Гарета в столь бедственном состоянии, горе его было велико и глубоко. Он привел в чувство сэра Гарета и дал ему выпить питья, которое чудесно восстановило его силы.

Леди же Лионесса столь жестоко сокрушалась, что нет слов сказать, она так плакала и убивалась, что едва не умерла.

А тут явилась к ним туда девица Лионетта, она подобрала за окном и сложила все куски, на какие разрубил сэс Гарет рыцареву голову, натерла их,

как и в прошлый раз, каким-то снадобьем и на глазах у них у всех приставила к телу.

— Ах, девица Лионетта, — промолвил сэс Гарет, — не заслужил я от вас такого зла.

— Сэс рыцарь, — отвечала она, — я не свершила ничего, в чем погода не признаюсь, а все, что я сделала, окажется к вашей же чести и к чести всех нас тоже.

Потом остановили сэру Гарету кровь, но приглашенные лекари объявили, что ни один смертный человек не излечит его раны до конца, покуда не разрушит тех чар, коими она была нанесена.

А теперь оставляем мы сэра Гарета с сэром Грингамуром и его сестрами и обратимся к королю Артуру, который в то время опять справлял праздник Пятидесятницы. И явился вдруг к нему на празднество Зеленый Рыцарь с пятьюдесятью рыцарями, и все они объявили себя пленниками короля Артура. Вслед за тем явился Красный Рыцарь, его брат, и объявил себя пленником короля Артура вместе с шестьюдесятью рыцарями. Также прибыл туда Синий Рыцарь, его брат, и объявил себя пленником короля Артура. Имя же Зеленого Рыцаря было сэс Пертолип, Красного Рыцаря имя было сэс Перимон, а Синего Рыцаря — сэс Персиант Индийский.

Эти трое братьев поведали королю Артуру, как их всех одолел рыцарь, который ехал с девицей, а она его называла сэс Бомейн.

— Исусе! — вскричал король. — Хотелось бы мне знать, что же это все-таки за рыцарь и какого он роду-племени. Он провел у меня целый год, но здесь с ним обращались презрительно и плохо. И сэс Кэй в насмешку прозвал его Бомейн-Прекрасные Руки.

Но как раз, когда король стоял и беседовал с этими тремя братьями, вошел сэс Ланселот Озерный и сказал королю, что там прибыл к ним важный барон с пятьюстами рыцарями. А был в это время король в Карлионе, ибо там справлял он в этот год праздник, и барон к нему туда приехал и приветствовал короля со всей учтивостью.

— Что угодно вам? — спросил король Артур. — По какому делу вы к нам прибыли?

— Сэс, — отвечал тот, — меня называют Красный Рыцарь Красного Поля, имя же мое — сэс Иронсид-Железный Бок¹⁰. И знайте, сэс, сюда к вам я послан рыцарем по имени сэс Бомейн-Прекрасные Руки, ибо он победил меня в честном бою один на один, а это еще ни одному рыцарю кроме него не удавалось за последние двадцать лет. И мне велено сдать в вашу власть.

— Милости просим, — сказал король. — Ведь вы долгое время были заклятым врагом нашим — моим и всего моего двора, ныне же с божьей помощью я надеюсь склонить вас сделаться моим другом.

— Сэс, и сам я, и эти пять сотен рыцарей всегда к вашим услугам и готовы по вашему зову вам служить всем, что в нашей власти.

— Грамерси, — молвил король Артур. — Я в большом долгу перед тем рыцарем, что подвергал свою жизнь стольким опасностям ради приумножения чести моей и моего двора. Что же до тебя, сэс Иронсид-Железный Бок, именитый Красным Рыцарем Красного Поля, ты известен как доблестный ры-

царь, и если ты согласен держать свои владения от меня, то будешь у меня в почете и я сделаю тебя рыцарем Круглого Стола, но только ты должен тогда отказаться от своих человекоубийственных обычаев.

— Сэр, что до этого, я уже дал в том обещание сэру Бомейну, ибо этот постыдный обычай я завел для себя по желанию дамы, которую любил. А теперь должно мне обратиться к сэру Ланселоту и сэру Гавейну и испросить у них прощения за то зло, что я против них имел, ибо все, кого я погубил, приняли смерть за сэра Ланселота и сэра Гавейна.

— Вот они здесь, — отвечал король, — перед тобою. Можешь сказать им сейчас все, что пожелаешь.

Тогда опустился он на колени перед сэром Ланселотом и перед сэром Гавейном и молил их простить ему его против них вражду.

КАК КОРОЛЬ АРТУР ПРОСТИЛ ИХ И СПРАШИВАЛ, ГДЕ СЭР ГАРЕТ ♣ И они оба учтиво отвечали:

— Бог вас простит и мы прощаем. Просим вас только, скажите нам, где найти сэра Бомейна?

— Любезные лорды, — отвечал сэр Иронсид-Железный Бок, — этого я вам сказать не могу, ибо разыскать его очень трудно: ведь такие молодые рыцари, как он, уж если отправятся странствовать, то подолгу на одном месте не задерживаются.

Не передать все похвалы, что говорили о Бомейне Красный Рыцарь Красного Поля и сэр Персиант, и его братья, — дивно было бы это слышать.

Ну, что ж, любезные лорды, — молвил король Артур, — знайте, что все вы будете у меня в чести ради любви моей к сэру Бомейну, а как только сыщу его, тот же час возведу вас всех в один день в рыцари Круглого Стола. Что же до тебя, сэр Персиант Индийский, ты всегда слыл рыцарем весьма благородным, да и трое твоих братьев тоже. Удивляюсь я только, — сказал король, — что ничего не слышу о вашем брате Черном Рыцаре. А ведь и он — благородный рыцарь.

— Сэр, — отвечал Пертолип, Зеленый Рыцарь, — его убил в поединке сэр Бомейн своим копьем. Звали же его сэр Перард.

— Это великой жалости достойно, — сказал король, а с ним и многие рыцари, ибо эти четверо братьев были хорошо известны при дворе короля Артура как доблестные рыцари, ведь они долгое время вели войну с рыцарями Круглого Стола.

И поведал Пертолип, Зеленый Рыцарь, королю, как при переправе через реку Мортезу встретили сэра Бомейна два брата, всегда охранявшие тот переезд, оба — рыцари искусные и беспощадные. Старшего он поразил прямо в воде, нанеши ему такой удар, что тот упал в реку и захлебнулся. Имя же его было — сэр Герард ле Брюс. А потом на суше он убил второго брата. его же имя было — сэр Арнольд ле Брюс.

КАК НА ЭТОТ ПРАЗДНИК ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ ПРИБЫЛА КОРОЛЕВА ОРКНЕЙСКАЯ, И СЭР ГАВЕЙН И ЕГО БРАТЬЯ ПРОСИЛИ У НЕЕ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ♣

После того король и они вышли к обеду, и было там царское угощение. Когда же сидели они за столами, явилась вдруг туда королева Оркнейская и с нею дамы и рыцари в большом числе. Встали тогда сэр Гавейн, сэр Агравейн и сэр Гахерис и, подойдя к своей матери, на коленях ее приветствовали и просили ее благословения, ибо они не видели ее вот уже двенадцать лет.

Но она громким голосом обратилась к брату своему, королю Артуру:

— Куда девали вы моего меньшого сына, сэра Гарета? Он провел тут у вас год, вы же сделали из него кухонного мужика, и это — позор вам всем! Увы! Куда дели вы моего любезного сына, который был мне утешением?

— Ах, милая мать, — сказал сэр Гавейн, — я не признал его.

— И я тоже, — сказал король, — и теперь об том сожалею, но, благодаренье господа, он показал себя славным рыцарем, не хуже любого рыцаря из своих сверстников. И я не успокоюсь теперь, покуда не разыщу его.

— Ах, брат мой, — сказала королева, — стыд и позор вам тут всем, что вы держали моего сына на кухне и кормили его со свиньями!

— Любезная сестра, — отвечал король Артур, — должно вам помнить, что я не признал его, да и сэр Гавейн и его братья тоже. Но раз уже вышло так, — говорил король, — что он нас всех покинул, мы должны изыскать средство, как помочь делу и его найти. Да и вы, сестра, думается мне, должны были предупредить меня об его приезде, и тогда, прими я его неласково, вы могли бы меня в том укорять. Ведь он явился к нашему двору, опираясь на плечи двух людей, словно не мог ходить. И выговорил у меня три желания, два за собой оставил, одно же испросил тогда же: чтобы я целый год кормил его и поил. А через год испросил и два остальных: чтобы на него было возложено приключение с девицей Лионеттой, и третье — чтобы сэр Ланселот посвятил его в рыцари, когда он того пожелает. Я все три его желания исполнил. А ведь многие здесь при дворе дивились, что за причина ему была испрашивать себе на год пропитание; и многие из нас оттого решились, что он не из благородного дома.

— Сэр, — возразила королева Оркнейская брату своему королю Артуру, — знайте, что я отправила его к вам хорошо вооруженным, в богатых доспехах, на добром коне, в здравии и достойном его наряде, и золота да серебра на расходы было с ним вволю.

— Возможно, что и так, — отвечал король Артур, — но мы ничего этого в глаза не видели, только в день его отъезда рыцари мне говорили, что к нему прибыл неведомо откуда карлик и привез с собой полные доспехи и доброго коня со всем снаряжением и богатой сбруей. И тому мы все дивились и гадали, откуда взялось такое богатство. И вот тогда-то мы и склонились все к мысли, что, уж верно, он высокого рода.

— Брат,— сказала королева,— всему этому, что вы говорите, мы верим, потому что он с самого рождения всегда был чудесно хитер на выдумку, равно как был он предан и верен неизменно своему слову. Но дивлюсь я,— сказала королева,— как мог сэр Кэй над ним потешаться и измываться, и дать ему прозвище Прекрасные Руки? Но при том сэр Кэй,— сказала королева,— прозвал его лучше, чем: сам думал, ибо сдается мне, что у него и вправду легкая рука и добрый нрав, как редко у кого на этом свете,— если только он жив.

— Сестра,— молвил король Артур,— пусть не звучат больше такие речи. Мы будем искать его по всем семи царствам и с божьей помощью где-нибудь отыщем. Пусть же все это пройдет и настанет веселие, ибо он выказал себя воистину благородным мужем, и это радует мое сердце.

КАК КОРОЛЬ АРТУР ПОСЛАЛ К ЛЕДИ ЛИОНЕССЕ И КАК ОНА ПОВЕЛЕЛА УСТРОИТЬ ТУРНИР У СТЕН СВОЕГО ЗАМКА И КАК ТУДА ПРИБЫЛИ МНОГИЕ РЫЦАРИ ♡ Тут сказали сэр Гавейн и его братья королю Артуру:

— Сэр, если вы дадите на то свое соизволение, мы отправимся на поиски нашего брата.

— Нет,— вмешался тут сэр Ланселот,— в том нет нужды.

И так же сказал сэр Бодуин Бретонский.— Наш совет таков, чтобы отправил король людей к леди Лионессе и просил ее явиться ко двору со всею возможной поспешностью. И не сомневайтесь, она явится непременно, и от нее сможете вы получить наилучший совет, где искать сэра Гарета.

— Хорошо сказано,— сказал король.

С тем составлены были учтивые письма, и отправили гонца, чтобы скакал день и ночь, покуда не прибудет в Замок Угроз. А там послали за госпожой, леди Лионессой, которая была в это время у своего брата сэра Грингамура вместе с сэром Гаретом. Она же, узнав, какое у гонца к ней посольство, велела ему скакать назад к королю Артуру, а она прибудет следом со всей поспешностью, возможной для ее достоинства.

Потом явилась она к сэру Грингамуру и сэру Гарету и поведала им, что король Артур послал за нею.

— Это из-за меня,— сказал сэр Гарет.

— Тогда наставьте меня,— сказала леди Лионесса,— что я должна буду говорить и как себя вести.

— Госпожа и любовь моя,— сказал сэр Гарет,— я прошу вас ни под каким видом не выдавать, где я нахожусь. Я знаю, что там моя мать и мои братья, и они все отправятся на поиски, а этого-то я и желаю. Но вот что, госпожа, я хочу, чтобы вы сказали и объявили королю Артуру, когда он будет вас обо мне допрашивать: скажите, что, если будет на то его добрая воля, вы

ко дню Успения Богородицы¹¹ разошлете глашатаев возвестить, что рыцарю, который выкажет себя изю всех лучшим на турнире, достанется ваша рука и все ваши земли. Если же победителем окажется рыцарь женатый, то он получит золотую диадему, всю усеянную драгоценными камнями в тысячу фунтов ценою, и белого ловчего кречета.

С тем и отправилась леди Лионесса в путь, и говоря коротко, когда прибыла она к королю Артуру, ее приняли с почетом, а потом король Артур и королева Оркнейская стали ее упорно допрашивать, она же отвечала, что где сэр Гарет, того она сказать не может, но вот с какой речью она обратилась с королем Артуру:

— Сэр, с вашего изволения, я повелю созвать рыцарей на турнир, который устрою перед моим замком в день Успения Богородицы, и повелю возгласить, что на том турнире будете вы, господин мой, и ваши рыцари, и мои рыцари выступят против ваших. И уж тогда-то, верно, мы услышим о сэре Гарете.

— Хорошо задумано,— сказал король.

И она уехала, и они с королем сговорились и распорядились о том турнире. Когда же леди Лионесса прибыла на остров Авильон — а это был тот самый остров, на котором жил ее брат Грингамур,— она поведала ему все как было, и как она обещала королю Артуру устроить турнир.

— Увы! — сказал сэр Гарет,— на беду я был так жестоко ранен в этом замке, что не смогу даже выступить на турнире, как достойно рыцарю, ведь я так и не оправился до конца, с тех пор как получил эту рану.

— Не печальтесь, все будет хорошо,— сказала девица Лионетта.— Я берусь за пятнадцать дней вернуть вам ваше прежнее здоровье и веселье. И она стала притирать его притираниями и прикладывать ему целебные снадобья по своему выбору и усмотрению, и он вновь сделался бодр, весел и здоров, как никогда.

Тогда говорит девица Лионетта:

— Посылайте теперь к сэру Персианту Индийскому, чтобы собрался и явился к вам со своими рыцарями, как он обещал. Также пошлите к Иронсиду-Железному Боку, Рыцарю Красного Поля, и велите ему быть у вас со всей своей рыцарской дружиной. И тогда вы сможете выступить против короля Артура и его рыцарей.

Так и было сделано, и послали за рыцарями, чтобы собрались в Замок Угроз. И Красный Рыцарь дал леди Лионессе и сэру Гарету такой ответ:

— Знайте, что я вместе с сэром Персиантом и его братьями был при дворе короля Артура и поступил к нему в подчинение, как вы нам повелили. И я,— сказал сэр Иронсид-Железный Бок,— уже условился, что выступаю вместе с сэром Персиантом Индийским и его братьями против сэра Ланселота и других рыцарей Артурова двора. Я сделал это ради госпожи моей леди Лионессы и ради вас, сэр Гарет.

— Вы поступили правильно,— сказал сэр Гарет,— но знайте, что вам придется очень худо в состязании с доблестнейшими рыцарями мира. И потому нам надобно созвать всех добрых рыцарей, какие только найдутся.

— Это верно,— сказал сэр Персиант.

И пустили клич по всей Англии, Уэльсу, Шотландии, Ирландии и Корнуэл-

ду, а также на всех Внешних Островах, в Бретани и многих еще странах, чтобы в Богородицын день, в следующее Успение, собрались люди к Замку Угроз, что против острова Авильона, и там все рыцари должны будут избрать, что им больше по душе: на стороне ли рыцарей Замка им выступить или же на стороне короля Артура. И сроку осталось до того турнира ровно два месяца день в день.

А в те времена много добрых рыцарей, разъезжавших по свету, враждовало с королем Артуром и рыцарями Круглого Стола, так что многие, собравшись туда, встали на сторону Замка. Из них первым был сэр Эпиногрис, сын короля Нортумберландского, сэр Паломид-Сарацин был вторым, и сэр Сафир с сэром Сегваридом, его братья, — но они уже оба были крещеные, — и сэр Малегрин, и сэр Бриан-Островитянин, благородный рыцарь, и сэр Груммор Грумморсон¹², добрый шотландский витязь, и сэр Карадос из Башни Слез, славный рыцарь, и сэр Тарквин, его брат, и сэр Арнольд с сэром Гаутером, два брата, доблестные корнуэльские рыцари. А еще прибыл туда сэр Тристрам Лионский, и с ним сэр Динас-Сенешаль, и сэр Садук. В те времена сэр Тристрам еще не был рыцарем Круглого Стола, но он и тогда уже был одним из лучших рыцарей мира.

И вот все эти благородные рыцари стали на сторону рыцарей госпожи Замка под начало Красного Рыцаря Красного Поля. Что же до сэра Гарета, то он не пожелал выступить иначе, как самый простой рыцарь.

КАК КОРОЛЬ АРТУР ОТПРАВИЛСЯ НА ТОТ ТУРНИР СО СВОИМИ РЫЦАРИМИ, И КАК ЛЕДИ ПРИНИМАЛА ИХ С ЧЕСТЬЮ, И КАК РЫЦАРИ ВСТУПИЛИ В БОЙ. А теперь мы обратимся к королю Артуру. Он привел с собою сэра Гавейна, Агравейна и Гахериса, трех братьев; а также племянников своих: сэра Ивейна-Белорукого и сэра Агловаля, сэра Тора, сэра Персиваля Уэльского и сэра Ламорака Уэльского. Также прибыл туда сэр Ланселот Озерный со своими братьями, племянниками и сородичами как сэр Лионель, сэр Эктор Окраинный, сэр Борс Ганский и сэр Блеоберис Ганский, сэр Бламур Ганский и сэр Галиходин, сэр Галихуд и еще многие из Ланселотова рода; и еще сэр Динадан и его брат по прозвищу Худая Одежка, рыцарь доблестный, и сэр Саграмур Желанный, и сэр Додинас Свирепый, и чуть не все остальные рыцари Круглого Стола.

А еще прибыли с королем Артуром короли: король Ирландии Ангвисанс, и король Шотландии Карадос, и король Уриенс, владыка земли Гоор, и король Багдемагус с сыном своим сэром Мелегантом и сэром Галахальтом, благородным принцем, и все другие принцы и графы и бароны и благородные рыцари, как сэр Брандель, сэр Ивейн Отчаянный, и сэр Кэй, сэр Бедивер, сэр Мелиот Логрский, сэр Петипас из Винчелси, сэр Готелак, — все они

явились с королем Артуром, и еще многие другие, кто здесь не назван. А теперь мы оставим всех этих рыцарей и королей и поведем лучше речь о великих приготовлениях, что велась в замке и вокруг замка; ибо леди Лионесса распорядилась, чтобы все было в изобилии приготовлено для ее благородных рыцарей — и ночлег богатый, и всякий провиант, какой только возможно доставить по суше и по морю, чтобы ни в чем не испытывали недостатка рыцари ее стороны и противной тоже, но могли бы и король Артур со своими рыцарями за серебро и золото купить всего в избытке. А вскоре явились и герольды от короля Артура и возвестили о приближении его и всех его королей, герцогов, графов, баронов и рыцарей.

И тогда сэр Гарет стал просить леди Лионессу, и Красного Рыцаря Красного Поля, и сэра Персианта с братьями, и сэра Грингамура, чтобы ни один из них ни под каким видом не выдавал его имени и не обращался с ним иначе, как с самым последним из собравшихся рыцарей.

— Ибо, — говорил он, — я не хочу быть узанным ни великими, ни малыми, ни поначалу, ни к концу.

И сказала сэру Гарету леди Лионесса:

— Сэр, я хочу дать вам мое кольцо. Но только заклинаю вас вашей горячей любовью ко мне, возвратите его мне после окончания турнира, ибо это кольцо много прибавляет мне красоты против того, какова она есть сама по себе. Сила же моего кольца вот такая: зеленое оно превращает в красное, а красное подобным же образом превращает в зеленое, синее же оно превращает в белое и белое, наоборот, в синее. Так превращает оно все цвета. И кроме того, носящий это кольцо не потеряет ни капли крови. Даю же я вам это кольцо из великой моей к вам любви.

— Грамерси, — отвечал сэр Гарет, — возлюбленная моя госпожа. Кольцо это мне очень к стати, ибо оно переменит мой вид, и по этой причине никто меня не узнает.

А сэр Грингамур дал сэру Гарету гнедого скакуна, доброго боевого коня. И еще он дал ему крепкие доспехи надежные и благородный меч, в былые времена отвоєванный отцом Грингамура у одного языческого тирана.

Подобным же образом изготовились к турниру все рыцари.

Король Артур прибыл на место за два дня до Успения Богородицы. Он расположился со всей пышностью, и собрались вокруг него там все барды и менестрели, каких только возможно было сыскать. Также прибыла с ним королева его Гвиневера и королева Оркнейская, мать сэра Гарета.

И вот в день Успения, после заутрени и обедни, были высланы герольды с трубами трубить и сзывать на турнирное поле. И выехал вперед сэр Эпиногрис, сын короля Нортумберландского, а его встретил на поле сэр Саграмур Желанный, они сшиблись друг с другом и поломали копы по самую рукоять. Затем из замка выехал сэр Паломид, а против него выехал сэр Гавейн, и так они друг на друга ударили, что оба добрых рыцаря рухнули наземь — и кони, и всадники. И с каждой стороны рыцари бросились их выволочь и поднимать.

Тогда выехали на поле сэр Сафир и сэр Сегварид, братья сэра Паломида; и встретили сэра Сафира сэр Агравейн, а сэра Сегварид сэр Гахерис. И в этом столкновении сэр Сафир сокрушил сэра Агравейна. А сэр Малегрин,

рыцарь Замка, выехал против сэра Ивейна Белорукого, и сэр Ивейн вышиб сэра Малегрину из седла, так что тот едва шею себе не сломал.

КАК РЫЦАРИ ДЕРЖАЛИСЬ В БОЮ ♣ Тогда сэр Бриан-Островитянин и сэр Груммор Грумморсон, рыцари Замка, выехали против сэра Агловаля и сэра Тора и те сокрушили рыцарей Замка.

После того выехал сэр Карадос из Башни Слез и сэр Тарквин, со стороны Замка. И встретились они на поле с сэром Персивалем Уэльским и с сэром Ламораком, его братом, и с такой силой они друг на друга налетели, что у сэра Персиваля с сэром Карадосом обломались копья по рукоять, сэр же Тарквин с сэром Ламораком оба рухнули с конями на землю. И с каждой стороны рыцари их подняли и снова посадили на коней.

А сэр Арнольд с сэром Гаутером, рыцари Замка, выехали и бились против сэра Бранделя и сэра Кэя, и эти четверо рыцарей ударили друг на друга со всей мощью и поломали копья по рукоять.

После того выехали сэр Тристрам, сэр Садук и сэр Динас, рыцари Замка, и встретились на поле с сэром Бедивером, и сэр Бедивер был сбит наземь вместе с конем. А сэр Садук встретился с сэром Петипасом, и здесь уже потерпел поражение сэр Садук. А сэра Динаса-Сенешаля сокрушил сэр Ивейн Отчаянный.

Потом выехал на поле сэр Персиант Индийский, рыцарь Замка, а против него выехал сэр Ланселот Озерный, и сокрушил он сэра Персианта, сшиб наземь и всадника, и коня. За ними выехал от Замка сэр Пертолип, и с ним встретился на поле сэр Лионель, и сэр Пертолип, Зеленый Рыцарь, сшиб наземь сэра Лионеля, Ланселотова брата.

И все это отмечали герольды, возглашая, кто отличился и как его имя. Вот выехал на поле сэр Перимон, Красный Рыцарь, брат сэра Персианта, рыцарь Замка. Он встретился с сэром Эктором Окраинным, и они с такой силой ударили друг на друга, что оба рухнули с конями на землю.

А затем выехали Красный Рыцарь Красного Поля и сэр Гарет, от Замка; и встретились они на поле с сэром Борсом Ганским и с сэром Блеоберисом. Красный Рыцарь и сэр Борс так ударили друг на друга, что копья у них поломались и кони под ними рухнули на землю. Сэр же Блеоберис свое копье поломал о сэра Гарета, но и сам от того удара упал на землю.

Это увидел сэр Галиходин и крикнул сэру Гарету, чтобы он помедлил, не уезжал с поля. Но сэр Гарет и его тоже сшиб наземь. Тогда схватился за копье сэр Галихуд, дабы отомстить за своего брата, но и с ним разделался сэр Гарет подобным же образом. И так же разделался он с сэром Динадамом и с его братом по прозвищу Худая Одежка, и с сэром Саграмуром Желанным, и с сэром Додинасом Свирепым — всех этих рыцарей сбил он наземь одним копьем.

Когда увидел король Ирландский Ангвисанс подвиги сэра Гарета, поди-

вился он, кто таков этот рыцарь, ибо он то казался зеленым, то вдруг при следующем выходе представлялся синим. И так при всяком новом круге, который он описывал на коне, менялись на нем цвета — белый на красный и на черный, так что ни рыцарь, ни король не могли его сразу признать¹³. Вот и король Ирландии Ангвисанс выехал против сэра Гарета, и сэр Гарет и его сшиб с коня наземь, самого всадника прямо с седлом. После того выехал против сэра Гарета король Шотландии Карадос, но сэр Гарет и его сокрушил. И подобным же образом разделался он с королем Гоора Уриенсом. Потом выехал сэр Багдемагус — сэр Гарет и его сокрушил, сшиб на землю и всадника, и коня. И сын короля Багдемагуса сэр Мелегант поломал о сэра Гарета копье, по-рыцарски со всей силой на него устремясь.

Тут вскричал громким голосом сэр Галахальт, благородный принц:

— Эй, рыцарь разных цветов! Отлично ты бьешься! Готовься же опять, чтобы мог с тобой сразиться и я!

Услышал его сэр Гарет, взял копье побольше, и съехались они на поле, и у принца копье сломалось на куски. Сэр же Гарет нанес ему снизу по набороднику шлема такой удар, что тот закачался из стороны в сторону и рухнул бы на землю, не подхвати его под руки его люди.

— Клянусь богом, — молвил тут король Артур, — этот рыцарь разных цветов — добрый боец.

С тем призвал к себе король сэра Ланселота и попросил его выступить против того рыцаря.

— Сэр, — отвечал сэр Ланселот, — я склоняюсь сердцем отложить с ним бой до другого раза и не выходить против него сегодня, ибо он уже свершил сегодня довольно ратных подвигов. Когда же какой-нибудь рыцарь столь доблестно отличится за один день, настоящему рыцарю не пристало отымать у него честь победы, особенно когда тот уже так много потрудился. Ведь, может быть, — сказал сэр Ланселот, — здесь находится его враг и обидчик, а может быть, он влюблен в какую-нибудь даму из тех, что находятся здесь, — но я вижу, что он прилагает все старания и усилия, чтобы свершать великие подвиги. А потому, — сказал сэр Ланселот, — что до меня, то первенство сегодня достанется ему, даже если бы я мог его отнять у него, я этого не сделаю.

ЕЩЕ О ТОМ ЖЕ ТУРНИРЕ ♣ На том кончались поединки, и тогда обнажили рыцари мечи, и началось жестокое турнирное сражение. В том сражении чудесные подвиги свершил сэр Ламорак — между ним и сэром Иронсидом, Красным Рыцарем Красного Поля, завязался яростный бой. Также и между сэром Паломидом и сэром Блеоберисом бой разгорелся нешуточный. И встретились в том сражении сэр Гавейн с сэром Тристрамом, и верх одержал сэр Тристрам, он стащил сэра Гавейна с коня, и тот долго оставался пеш и весь в грязи.

Потом выехал сэр Ланселот и ударил на сэра Тарквина, а тот на него. Тут явился сэр Карадос, его

брат, и они вдвоем напали на сэра Ланселота, но он как доблестнейший рыцарь мира бился славно с ними обсиими и им приходилось жарко, а все вокруг дивились доблести сэра Ланселота.

В это время выехал сэр Гарет, он догадался, что тот, кто сражается с двоими,— это сэр Ланселот, и поспешил их разнять; однако сам ни единого удара не нанес сэру Ланселоту. И сэр Ланселот это про себя заметил, и подумалось ему, что это, должно быть, и есть добрый рыцарь сэр Гарет. А сэр Гарет скакал по турнирному полю туда и сюда, разя направо и налево, так что всем видно было, куда пролегал его путь. И случилось ему съехаться с братом, сэром Гавейном, и он одержал над ним верх, ибо сбил с него шлем. Подобным же образом разделался он и еще с пятью или шестью рыцарями Круглого Стола, так что все о нем заговорили, что он сражается, не жалея сил и всех доблестнее исполняет свой долг.

Сэр же Тристрам, видя, как он выступал сначала в поединках и как теперь бьется столь доблестно на мечах, подсказал к сэру Иронсиду-Железному Бокку и к сэру Персианту Индийскому и стал выпрашивать у них клятвенно, кто таков этот рыцарь, представляющийся взгляду разноцветным.

— Воистину мне сдается,— говорил сэр Тристрам,— что он не щадит в бою сил, ведь он не дает себе ни минуты роздыха.

— А разве вы не знаете, кто он таков? — спросил Иронсид-Железный Бок.

— Нет,— отвечал сэр Тристрам.

— Тогда узнайте, что это тот самый рыцарь, который любит госпожу Замка, а она его. И это тот самый рыцарь, который победил меня, когда я осаждал эту даму в стенах здешнего замка. И он же победил сэра Персианта и трех его братьев.

— Как же его имя? — спросил сэр Тристрам.— И какого он роду?

— Сэр, при дворе короля Артура его называли Бомейн-Прекрасные Руки, настоящее же его имя — сэр Гарет, брат сэру Гавейну.

— Клянись головой,— сказал сэр Тристрам,— он добрый рыцарь и могучий воин. Если он сейчас молод, он еще выкажет себя в будущем благороднейшим рыцарем.

— Сэр,— отвечали они,— он еще почти отрок, а посвящение в рыцари получил от сэра Ланселота.

— Это к вящей его чести,— сказал сэр Тристрам.

И поскакали сэр Тристрам, сэр Иронсид-Железный Бок и сэр Персиант с братьями на подмогу сэру Гарету. И сыпались там жестокие удары без счета. А сэр Гарет тем временем отъехал в сторону поправить на себе шлем. Тут говорит ему его карлик:

— Дайте-ка мне ваше кольцо, не то еще потеряете его, когда нагнетесь напиться.

Когда же он напился, то надел снова шлем, вскочил в нетерпении на коня и поскакал на турнирное поле, а кольцо так и забыл у карлика, а карлик и рад был оставить кольцо у себя, потому что тогда, знал он, будет узан на поле сэр Гарет.

Вот выехал на поле сэр Гарет, и все увидели ясно, что его цвет — желтый. И снова срывал он шлемы и повергал рыцарей наземь, так что опять подивился король Артур: кто, мол, таков этот рыцарь?

По коню король видел, что это — тот же самый рыцарь¹⁴, что прежде выступал в разноцветном облачении, теперь же у него цвет один — желтый.

КАК СЭР ГАРЕТ БЫЛ ПРИЗНАН ГЕРОЛЬДАМИ И КАК ОН ПОКИНУЛ ПОЛЕ

— Поезжайте,— молвил король Артур своим герольдам,— держитесь к нему поближе и глядите лучше: может быть вам удастся разведать, кто он таков. Ибо я сегодня расспрашивал о нем многих рыцарей с его стороны, и все они говорят, что не знают его.

Вот под конец один герольд подъехал к нему совсем близко и сумел прочесть у него на шлеме надпись золотом: «Это шлем сэра Гарета Оркнейского». И тогда вскричал тот герольд, как безумный, и с ним — еще многие другие герольды: «Этот рыцарь в желтых доспехах — сэр Гарет Оркнейский!»

Тогда все рыцари и короли с Артуровой стороны услышали это и обратили на него взгляды. Они теснились к нему и указывали на него, а герольды все повторяли свой клич:

— Это сэр Гарет, сын короля Лота Оркнейского!

Увидел сэр Гарет, что тайна его раскрывается, и удвоил силу своих ударов, и сокрушил сэра Саграмура и брата своего сэра Гавейна.

— О, брат мой,— молвил Гавейн,— не думал я, что вы меня поразите.

Услыхав эти слова, он заметался по полю, с великим трудом пробился сквозь толпу и в отдалении съехался со своим карликом.

— Ну, парень! — сказал Гарет. — Перехитрил ты меня сегодня вероломно с этим кольцом. Давай его скорее назад, чтобы я мог скрыться от взглядов. И он взял у него кольцо, и снова никто не мог сказать, куда он делся. Только сэр Гавейн успел заметить, куда он направился, и поскакал за сэром Гаретом во весь опор. Завидел сэр Гарет погоню и быстро свернул в лес, и что ни пробовал сэр Гавейн, никак он не мог узнать, куда тот скрылся. Когда же убедился сэр Гарет, что сэр Гавейн проехал, стал он спрашивать у карлика совета.

— Сэр,— отвечал карлик,— сдается мне, что теперь, когда вы укрылись от погони, должно вам отослать моей госпоже леди Лионессе ее кольцо.

— Добрый совет! — молвил сэр Гарет.— Бери вот кольцо и доставь его ей и скажи, что я поручаю себя ее милости, да передай, что я возвращусь, как только смогу, и молю ее сохранить мне верность и любовь, как я сохраню любовь и верность ей.

— Сэр,— отвечал карлик,— все это будет исполнено, как вы наказали. С тем поскакал он прочь и выполнил порученье. А дама спрашивает:

— Где же мой рыцарь сэр Гарет?

— Госпожа, он велел мне сказать вам, что пробудет вдали от вас недолго. И с тем снова вернулся карлик поспешно к сэру Гарету, который мечтал в это время о хорошем ночлеге, ибо он нуждался в отдыхе.

А тут еще разразилась гроза, хлынул дождь и гром грохотал, словно небо

вот-вот рухнет на землю. Сэр же Гарет был утомлен, ибо за весь тот день не дал ни минуты роздыха ни себе, ни коню. Но пришлось ему еще долго ехать по лесу, покада не опустилась ночь, а кругом сверкало и гремело, так что дивно было смотреть.

Но вот, на счастье, выехал он к какому-то замку и услышал, как стражники перекликаются на стенах.

КАК СЭР ГАРЕТ ПРИЕХАЛ К ЗАМКУ И БЫЛ ТАМ ХОРОШО ПРИНЯТ И КАК ОН БИЛСЯ С НЕКИМ РЫЦАРЕМ И УБИЛ ЕГО
 Сэр Гарет подъехал к предворотной башне замка и стал учтиво просить привратника, чтобы впустил его в замок.

Но привратник отвечал ему грубо:

— Проезжай! Здесь ты не получишь ночлега.
 — Любезный сэр, не говорите так, ведь я рыцарь короля Артура и именем Артура прошу господина и госпожу этого замка дать мне приют. Тогда привратник отправился к герцогине и рассказал ей, что там у ворот просит ночлега рыцарь короля Артура.

— Впустить его, — приказала герцогиня, — ибо я желаю его увидеть. Ради короля нашего Артура он не останется ночью без крова.

И она с зажженными факелами отправилась в надвратную башню. Когда сэр Гарет увидел столько света, он громко вскричал:

— Будь ты рыцарь или дама, великан или могучий боец, мне все равно, лишь бы только мне дали здесь ночлег. Если же мне предстоит сразиться, завтра, когда я отдохну, мне не будет нужды в снисхождении, но не сегодня, когда оба мы, и я, и конь мой, без сил.

— Сэр рыцарь, — отвечала дама, — ваши речи рыцарственны и смелы. Но знайте: владелец этого замка не любит короля Артура и рыцарей его двора, ибо мой супруг и господин всегда был с его противниками. А потому лучше бы вам не входить в этот замок, ибо если вы войдете сюда нынче ночью, то лишь под таким условием: где бы вы потом ни повстречали господина моего супруга, в поле ли, или на дороге, вы обязаны будете сдать его в плен.

— Госпожа, — сказал сэр Гарет, — кто же таков господин ваш супруг и как его имя?

— Сэр, — имя моего супруга — герцог де ла Рус¹⁵.

— Ну, что ж, — сказал сэр Гарет, — я даю вам обещание, где ни встречу я вашего супруга, я сдамся ему в плен и подчинение, если, конечно, он не причинит мне оскорбления и позора. Если же окажется, что он меня оскорбит, тогда я верну себе свободу, как смогу, копьем и мечом.

— Хорошо, — отвечала герцогиня.

Она повелела опустить разводной мост, и сэр Гарет верхом въехал в замковую залу, а там спешился и дал увести коня в конюшню. А сам совлек с себя оружие и доспехи и сказал:

— Госпожа, нынче ночью я не выйду из этой залы. А завтра, когда наступит день, посмотрим, не пожелает ли кто со мной сразиться. Меня тот найдет готовым к бою.

После того сел он за ужин, и его потчевали многими прекрасными блюдами. Сэр же Гарет был сильно голоден, и он принялся за еду жадно и нетерпеливо, как настоящий боец. А вокруг него расположились прекрасные дамы, и они говорили, что не случалось им видеть, чтобы рыцарь был так хорош собой и чтобы так по-богатырски ел. И они веселили его и развлекали, как только могли. А вскоре была послана ему прямо там в зале постель, и он устроился на отдых и спал всю ночь. Вставши, выслушал он обедню, утолил голод и распрощался с герцогиней и ее дамами, поблагодарив их всех сердечно за ночлег и радушный прием. А она спросила, как его зовут.

— Госпожа, — он ответил, — мое имя сэр Гарет Оркнейский, но иные зовут меня Бомейн-Прекрасные Руки.

И тогда она поняла, что это тот рыцарь, который сражался за Лионессу. А сэр Гарет поскакал своей дорогой и въехал на высокую гору, а там повстречался ему рыцарь по имени Бенделейн. Говорит он сэру Гарету:

— Нет тебе здесь проезда, покада ты не сразишься со мной или не сдашься мне в плен.

— Давай сразимся, — отвечал сэр Гарет.

И они пустили друг на друга коней, и сэр Гарет пробил ему грудь навылет, так что сэр Бенделейн, не сбавляя шагу, поскакал в свой замок, что стоял там поблизости, и, приехав туда, там и умер.

Меж тем настало время сэру Гарету отдохнуть. Он ехал и мечтал о каком-нибудь пристанище и вдруг выехал прямо к замку сэра Бенделейна. Бенделейновы рыцари и слуги узнали в нем того, кто убил их господина. Они вооружили двадцать бойцов, выехали из ворот замка и напали на сэра Гарета. А у него и копыя не было, а только меч, и вот он выставил впереди себя щит, и они поломали об него десять копий. Еще того яростнее стали они на него насаждать, но сэр Гарет оборонялся как настоящий рыцарь.

КАК СЭР ГАРЕТ СРАЖАЛСЯ С РЫЦАРЕМ, КОТОРЫЙ ДЕРЖАЛ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ТРИДЦАТЬ ДАМ, И КАК ОН ЕГО УБИЛ
 Тогда, увидев, что им его не одолеть, отъехали они в сторону и сговорились убить под ним коня. С тем снова они на него набросились и копыями убили под ним коня, а тогда с новым пылом стали нападать на сэра Гарета. Но когда сэр Гарет бился пеш, то кого он доставал своим мечом, из тех уже ни один не подымался снова. Так он перебил их одного за другим, покада не осталось их всего четверо. И тогда обратились они в бегство. А сэр Гарет выбрал себе доброго коня, из тех, что остались от них, и поскакал дальше своей дорогой. Долго он ехал, пока не приехал к замку, а из-за стен

там слышны были плач и стенания благородных дам. Он спросил пробежавшего мимо паж:

— Что это за шум раздается из замка?

— Сэр рыцарь, — отвечал паж, — в этом замке находятся тридцать благородных дам, все они вдовицы. Ибо под стенами этого замка день и ночь караулит один рыцарь, которого называют Коричневый Рыцарь, а также Рыцарь без Жалости и Милосердия. А потому, — сказал паж, — мой совет вам: бегите отсюда.

— Ну, нет, — сказал сэр Гарет, — я-то не убегу, хоть ты его и боишься. В это время паж вдруг заметил, что вдали показался Коричневый Рыцарь, и сказал сэру Гарету:

— Вон он, смотрите, едет сюда!

— Сейчас я им займусь, — сказал сэр Гарет.

Между тем и тот его заметил, и они пустили навстречу друг другу коней. Вот сшиблись они на скаку. У Коричневого Рыцаря сломалось копьё, сэр же Гарет пронзил ему грудь насквозь, тот запрокинулся и рухнул наземь бездыханный.

А сэр Гарет въехал в замок и стал просить у дам изволения стать у них на отдых.

— Увы! — отвечали они, — вам нельзя остановиться здесь.

— Нет, можно, — сказал тут паж. — Примите его радушно, ибо он убил вашего злодея.

Тогда они все возрадовались и принимали его как только могли хорошо. И знайте, что прием ему был оказан богатый, ибо хоть они были и бедны и обездолены, иначе они его встретить не могли. Утром же он вышел на молитву и увидел там всех тридцать женщин, коленопреклоненных или ничком лежащих над тридцатью надгробиями, в великом плаче и горе.

И понял сэр Гарет, что под теми надгробными камнями покоятся их супруги.

— Любезные дамы, — сказал сэр Гарет, — вам должно в будущий великий праздник явиться ко двору короля Артура и объявить, что это я, сэр Гарет, послал вас туда.

— Сэр, мы все исполним по вашему велению, — отвечали дамы.

А он поехал дальше, и по воле случая очутился под горой, где его встретил рыцарь, прекрасный видом, и так ему сказал:

— Стой, сэр рыцарь! Сразись со мною!

— А кто вы такой? — спросил сэр Гарет.

— Мое имя, — тот отвечал, — герцог де ла Рус.

— А, сэр, вы — тот самый рыцарь, в замке которого я недавно ночевал, и там я дал слово вашей супруге сдать вас в плен.

— А-а! — сказал герцог. — Ты и есть тот гордый рыцарь, который собирался драться с моими рыцарями? В таком случае, готовься, ибо я буду биться с тобою в поединке.

Вот пустили они навстречу друг другу коней, и сэр Гарет вышиб герцога из седла, но герцог проворно высвободил ноги из стремян, выставил перед собой щит, обнажил меч и призвал сэра Гарета спешиться и рубиться с ним на мечах. Так он и сделал, и более часа длился их яростный поединок, и

они нанесли один другому немало жестоких ран. Но под конец поверг сэр Гарет герцога наземь и готов был его зарубить, и тогда герцог признал себя побежденным и сдался ему в плен.

— Тогда поезжайте к господину моему, королю Артуру, — сказал ему сэр Гарет, — в будущий праздник и скажите ему, что это я, сэр Гарет, вас к нему послал.

— Так мы и сделаем, — отвечал герцог, — и я с сотней рыцарей поступаю к вам в подчинение и дам присягу служить вам верно всю жизнь и быть всегда к вашим услугам.

КАК СЭР ГАВЕЙН И СЭР ГАРЕТ БИЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ И КАК ОНИ УЗНАЛИ ОДИН ДРУГОГО БЛАГОДАря ДЕВИЦЕ ЛИОНЕТТЕ С тем уехал герцог, а сэр Гарет остался стоять один. Стоит он там и вдруг видит: скачет к нему рыцарь в полном вооружении. Сэр Гарет без промедления тоже вскочил на коня, и не тратя слов, сшиблись они, точно гром грянул. И тот рыцарь поранил сэра Гарета в бок копьём. Тогда они оба спешились, обнажили мечи и стали наносить один другому могучие удары, так что кровь бежала на землю. И так рубились они два часа.

Тут вдруг явилась туда девица Лионетта, которую иные люди называли демуазель Саваж. Она прискакала на белом муле-иноходце, громким голосом крича:

— Сэр Гавейн! Остановись! Не рубись со своим братом сэром Гаретом! И когда он услышал это, то отбросил щит и меч, подбежал к сэру Гарету и заключил его в объятья, а потом стал пред ним на колени и просил у него милосердия.

— Кто же ты, — удивился сэр Гарет, — что сейчас только бился с такой силой и отвагой, и вдруг взываешь к моему милосердию?

— Ах, сэр Гарет, я ваш брат, сэр Гавейн, принявший из-за вас столько бранных трудов и мучений.

Тут и сэр Гарет снял с себя шлем, опустил перед ним на колени и тоже просил у него милосердия. Потом встали они оба, обнялись друг с другом и долго плакали, прежде чем смогли сказать хоть слово. А тогда они стали уступать один другому честь победы, и было сказано между ними много добрых слов.

— Увы! любезный брат мой, — сказал сэр Гавейн, — я должен бы по справедливости почитать вас над собой главным, не будь вы моим братом, ибо вы прославили короля Артура и весь его двор, прислав за этот год больше пленных рыцарей, нежели любой из пяти лучших рыцарей Круглого Стола, кроме сэра Ланселота.

Тут подъехала к ним та самая девица Лионетта, что сопровождала сэра Гарета во всем пути. И она остановила кровь, бежавшую из ран у сэра Гарета и сэра Гавейна.

— А теперь что намерены вы делать? — спросила она. — Думается мне, хорошо бы, чтобы король Артур узнал про вас, ведь у обоих у вас кони так побиты, что дальше нести вас не могут.

— Да, любезная девица, — сказал сэр Гавейн, — прошу вас, поезжайте к господину моему и дяде королю Артуру и поведайте ему о том приключении, что у нас здесь было. И думается мне, он не замедлит приехать.

Она погнала своего мула и скоро прискакала к королю Артуру, который находился оттуда всего в двух милях. И когда она передала ему это известие, король воскликнул: «Подать мне коня!» — сел в седло и сказал своим лордам и дамам, чтобы следовали за ним, если хотят. Тут стали седлать и взнуздывать лошадей всем королевам и принцессам, и благо было тому, кто всех раньше собрался.

Король же, прискакав на место, увидел, что сэр Гавейн и сэр Гарет сидят вдвоем на склоне пригорка. Выпростал король ноги из стремян, спешился, приблизился к сэру Гарету, хотел заговорить, но не мог, а покачнулся и упал, на радостях лишившись чувств.

Тут бросились они к своему дяде, заклиная милостивого короля утешиться и возрадоваться. И можете не сомневаться, радости короля не было границ! Он осыпал сэра Гарета горестными жалобами, и плакал все время, словно малое дитя.

А тут приехала и мать его, королева Оркнейская, леди Моргауза, она взглянула прямо в лицо сэру Гарету, и не смогла даже заплакать, но упала внезапно без чувств и долго лежала неподвижно, как мертвая. Но сэр Гарет над ней склонился и ее утешал, так что она пришла в себя и радовалась ему ото всей души.

Король приказал, чтобы все рыцари, какие были у него в подчинении, прямо там стали лагерем и устроились на ночлег, ради его двух любезных племянников. Так и было сделано, и доставили туда все, что только можно было пожелать, так что ни в дичине, ни в баранине — не было недостатку ни в чем, что покупалось на золото и серебро.

Вскоре заботами девицы Саваж были залечены раны у сэра Гавейна и сэра Гарета, и так провели они оба там восемь дней. И сказал король Артур девице Саваж:

— Удивляюсь я, что ваша сестра, леди Лионесса, не едет сюда ко мне, особливо же, — что не навещает она своего рыцаря и моего племянника, сэра Гарета, который столько принял трудов ради ее любви.

— Мой господин, — отвечала девица Лионетта, — вы должны по милости вашей ее извинить, ибо она не знает, что мой господин сэр Гарет находится здесь.

— Тогда поезжайте за нею, — сказал король Артур, — дабы можно было все устроить к удовольствию моего племянника.

— Сэр, — сказала девица, — это будет исполнено.

И она поехала к своей сестре, и та со всей возможной поспешностью собралась в путь и наутро явилась туда со своим братом сэром Грингамуром и его сорока рыцарями.

КАК СЭР ГАРЕТ ОБЪЯВИЛ ОБ ИХ ЛЮБВИ КОРОЛЮ АРТУРУ И КАК БЫЛ НАЗНАЧЕН ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Когда она прибыла, ей был оказан весьма радушный прием и самим королем, и всеми другими рыцарями, и королевами тоже. И ее признали прекраснейшей и несравненной из всех дам. Когда же встретились они с сэром Гаретом, то обменялись ласковыми взорами без счета и ласковыми речами, так что всем честным людям радостно было на них смотреть.

Потом вошли к ним король Артур и с ним многие другие короли, и леди Гвиневера и королева Моргауза, мать сэра Гарета; и король спросил своего племянника, желает ли он сделать эту даму своей возлюбленной или же взять ее себе в жены.

— Мой господин, знайте, что я люблю ее больше всех женщин на свете.

— А вы, любезная дама, — спросил король Артур, — что скажете?

— Благороднейший король, — отвечала леди Лионесса, — да будет вам ведомо, что для меня нет желаннее супруга, чем господин мой сэр Гарет, и я возьму его в мужья охотнее, нежели любого короля или принца в христианской земле. Если же не он, то, клянусь вам, никто не будет мне мужем. Ибо знайте, господин мой Артур, — сказала леди Лионесса, — он — моя первая любовь и он же будет моей последней любовью. И если вы дадите ему волю и свободный выбор, то, полагаю, он выберет меня.

— Это правда, — сказал сэр Гарет, — если я не получу в жены вас, то, клянусь, ни одна женщина, ни одна благородная дама не добьется моего расположения.

— Как, племянник? — вскричал король. — Значит, вот какой оборот принимает дело? Уж если на то пошло, знайте, что я скорее короны моей лишусь, чем стану понуждать вас пойти на попятный, раз вы уже отдали этой даме ваше сердце, а она вам — свое. И да будет вам ведомо, что как бы ни сильна была ваша любовь, я предпочту, чтобы она не ослабевала, а еще того более возросла. И моя любовь тоже будет с вами, а также и мое покровительство во всем, что только окажется в моей власти.

И подобные же речи говорила и мать сэра Гарета.

Тут же были назначены день и место свадьбы. По совету короля решено было, что она произойдет в будущий Михайлов день¹⁶ в Кинкенадоне, что на берегу моря, ибо там край обильный и богатый.

И повелели о том возгласить во все концы королевства. Сэр же Гарет послал ко всем тем дамам и рыцарям, которых он победил и взял в плен за этот год, чтобы явились они в назначенный день к нему на свадьбу в Кинкенадон, что на морском берегу.

После того леди Лионесса и девица Лионетта собрались с сэром Грингамуром обратно к себе в замок, и она подарила сэру Гарету кольцо, прекрасное и драгоценное, а он ей — другое. И король Артур одарил ее богатым золотым браслетом. И с тем она уехала.

А король Артур со своей дружиной отправился в Кинкенадон, Гарет же сопровождал в замок свою даму, а потом присоединился к королю и

поехал вместе со всеми. Боже! как радовался сэру Гарету сэр Ланселот, а сэр Гарет — ему! Ибо ни одного рыцаря так не любил сэр Гарет, как сэра Ланселота, и он постоянно стремился быть вместе с сэром Ланселотом.

Ибо впоследствии, познакомившись с нравом сэра Гавейна, сэр Гарет от него отдалился, хоть он и был его братом. Он увидел, что сэр Гавейн мстителен, и кого он ненавидит, тому отомстит убийством, а это сэр Гарет ненавидел.

О ПЫШНОМ ТОРЖЕСТВЕ И О ТОМ, КТО КАКИЕ ДОЛЖНОСТИ НА НЕМ ИСПРАВЛЯЛ, И О ПОЕДИНКАХ НА ПРАЗДНЕСТВЕ Между тем Михайлов день быстро приближался. И вот прибыли леди Лионесса, владелица Замка Угроз, и сестра ее девица Лионетта, и с ними брат их сэр Грингамур, ибо он был опекуном этих двух дам. И по распоряжению короля Артура их устроили и расположили достойно.

И вот в Михайлов день епископ Кентерберийский с превеликой торжественностью сочетал браком сэра Гарета и леди Лионессу. А сэр Гахерис¹⁷, по воле короля Артура, сочетался браком с девицей Лионетта. А еще король Артур и была девица Лионесса, прекрасной даме по имени Лаурелла¹⁸.

Когда же покончено было с торжественной церемонией, прибыл туда Зеленый Рыцарь сэр Пертолип с тридцатью рыцарями; и он поклонился сэру Гарету и принес ему вместе со своими рыцарями присягу в верности и подчинении в знак того, что отныне он держит свои владения от него. И еще сказал сэр Пертолип так:

— Прошу вас, разрешьте мне сегодня на свадьбе быть вашим постельничим.

— С охотою, — отвечал сэр Гарет, — если вам по нраву столь простая должность.

За ним приехал Красный Рыцарь с шестьюдесятью рыцарями, и вместе с ними принес он сэру Гарету присягу в верности и подчинении в знак того, что отныне навсегда держит свои владения от него. И потом сэр Перимон испросил себе позволения быть у сэра Гарета на свадьбе главным дворецким.

— Я с охотою даю на то соизволение, — отвечал сэр Гарет, — чтобы вы исправляли эту должность, если вам так больше нравится.

После того прибыл сэр Персиант Индийский с сотней рыцарей и принес со всеми своими рыцарями присягу сэру Гарету, что будут они верно ему служить и свои земли держать от него.

А потом он стал просить сэра Гарета, чтобы сделал он его на том празднестве своим стольником.

— Я с охотою отдам вам эту должность, — отвечал сэр Гарет, — если вам так угодно.

Потом прибыл герцог де ла Рус, и с ним сотня рыцарей, и там он принес сэру Гарету присягу в верности и подчинении и объявил, что отныне будет держать свои земли от него. И еще он просил у сэра Гарета, чтобы быть ему в тот день на свадебном пиру его виночерпием.

— С охотою, — отвечал сэр Гарет, — если вам угодно.

Вслед за тем прибыл Красный Рыцарь Красного Поля по имени сэр Иронсид-Железный Бок и привел с собой три сотни рыцарей, и вместе с ними принес присягу в подчинении и верности, что всегда теперь будут держать свои владения от него.

И он просил у сэра Гарета дозволения быть ему кравчим и разрезать для него за столом мясо.

— Я согласен, — отвечал сэр Гарет, — если вам того хочется.

А после того прибыли к Артурову двору тридцать дам, все тридцать — вдовицы. А с ними приехали и еще многие прекрасные дамы. И они, все вдруг, опустили на колена перед королем Артуром и перед сэром Гаретом, и поведали королю Артуру, как сэр Гарет вызволил их из Башни Слез и убил Коричневого Рыцаря, прозванного Рыцарем без Жалости и Милосердия.

— И потому все мы, и наши наследники тоже, отныне будем почитать над собою сэра Гарета Оркнейского.

Тут все короли, королевны, принцы, графы, бароны и доблестные рыцари уселись пировать, и можете не сомневаться, там было всевозможных яств полное изобилие, и всевозможное веселье, и забавы, и песни менестрелей, все, какие только пелись в те времена.

И три дня велись турнирные поединки, но только сэру Гарету король Артур ради его молодой жены не позволил сражаться, ибо, как рассказывается во французской книге, леди Лионесса испросила у короля запрещения всем новобрачным участвовать в этом турнире.

Так что в первый день отличился в поединках сэр Ламорак Уэльский — он поверг наземь тридцать рыцарей и являл чудеса бранной доблести. И в тот день король Артур произвел сэра Персианта и его братьев в рыцари Круглого Стола до конца их жизни и пожаловал им богатые земли.

На второй день всех лучше сражался сэр Тристрам, — он поверг наземь сорок рыцарей и являл удивительные чудеса бранной доблести. А король Артур в тот день произвел сэра Иронсида, который был Красным Рыцарем Красного Поля, в рыцари Круглого Стола до конца его жизни и пожаловал ему богатые земли.

А на третий день выступал в поединках сэр Ланселот, и он поверг пятьдесят рыцарей и свершил множество столь славных подвигов, что все кругом диву давались. И в тот день король Артур произвел в рыцари Круглого Стола до конца жизни герцога де ла Руса и пожаловал богатые земли ему во владение.

Но когда турнир был окончен, сэр Ламорак и сэр Тристрам вдруг покинули двор и скрылись неведомо куда, о чем король Артур и все при его дворе горько сокрушались.

Сорок дней продолжались там придворные празднества и великие торжества.

Так стал сэр Гарет Оркнейский прославленным благородным рыцарем и женился на леди Лионессе, владелице Замка Угроз. А сэр Гахерис женился на ее сестре леди Лионетте, которую звали также демуазель Саваж. И сэр Агрвейн женился на леди Лаурелле, прекрасной даме и владелице многих богатых земель. И были им приданы великие богатства, чтобы до конца дней своих они могли жить в королевском достатке.

А я прошу всех тех, что прочтет эту повесть, помолиться за написавшего ее, дабы послал ему господь поспешное и скорое освобождение¹⁹. Аминь.

Здесь кончается повесть о сэре Гарете Оркнейском.